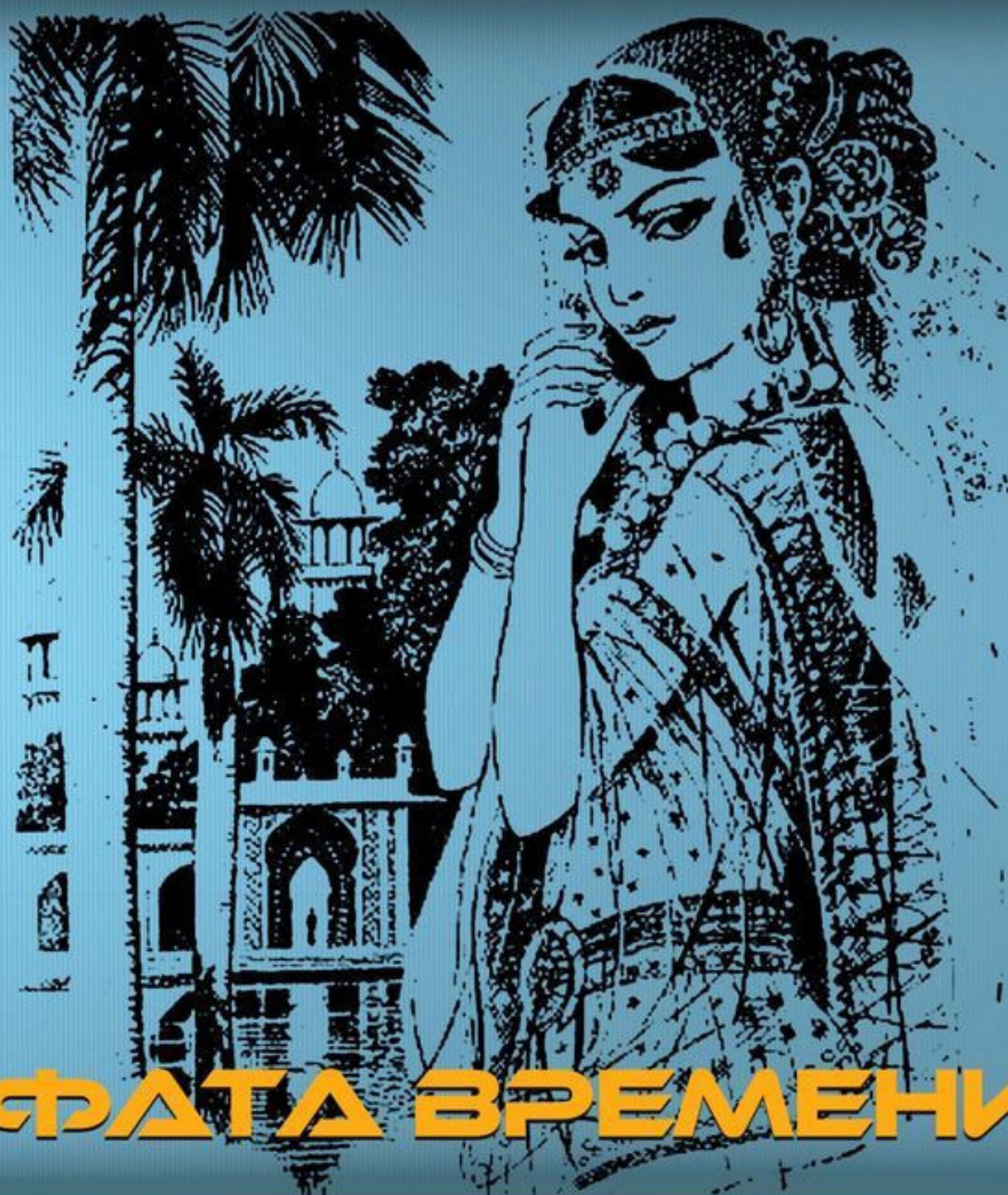

18+

ЦИКЛ «НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ»

ВАЛЕРИЙ САБИТОВ

ФАТА ВРЕМЕНИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Валерий Сабитов

**Фата Времени. Цикл «На земле
и в небесах». Книга первая**

«Издательские решения»

Сабитов В.

Фата Времени. Цикл «На земле и в небесах». Книга первая /
В. Сабитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558729-9

Наша Земля не менее загадочна, чем Марс или экзопланета у звезды Вега. Она переполнена чудесами. Мы ведь помним: чудо — это неузнанная или незнакомая тайна. Открыв эту книгу, вы снимете завесу, укрывающую некоторые из них. И не разочаруетесь...

ISBN 978-5-00-558729-9

© Сабитов В.
© Издательские решения

Содержание

Фата Времени	6
...И грянул гром...	11
Тайна замка «Елена»	23
Там чудеса... или Происшествие в Боровом	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Фата Времени

Цикл «На земле и в небесах». Книга первая

Валерий Сабитов

Иллюстрация на обложке Роберт Авотин

© Валерий Сабитов, 2021

ISBN 978-5-0055-8729-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-8726-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фата Времени

Археологическая разведка плато Адраара завершена. Оставался день, чтобы упаковать самые важные находки и оформить археологическую карту местности.

Вскормленные звёздами, высоко в небе под хрустальной сферой раскрыли бутоны чёрные цветы ночи. Тьма быстро опускалась на застывшую в ожидании пустыню. Участники экспедиции расположились вокруг неяркого пламени. Анна Василевская посмотрела на консервную банку с горящим маслом и вздохнула. Прошло два года после окончания аспирантуры, но этот поход в пески для неё уже третий и самый интригующий. Продолжать работы в центральном районе Сахары будут другие. Анне хотелось остаться, но она как руководитель обязана сама доложить о результатах исследований.

– Итак, Анна Казимировна, – бодро сказал Александр Воеводенко, «летописец» группы, – завтра прощаемся с драгоценной вашему сердцу пустыней...

Александр сопровождал Анну во всех её экспедициях. Истинную причину устойчивого интереса страстного любителя фотографии и документального кино к загадкам истории знали. Воеводенко побулькала термосом и, прижав к груди, сказал:

– Осталось дожидаться Галактионыча. Потом торжественный ужин и на покой. Куда он запропастился?

– Вы бы, рыцари термоса и покоя, подумали, как завтра обойтись без рабочих. Наши берберы исчезли сразу после завтрака и больше не вернутся, а дел у нас ещё много! – озабоченно проговорила Анна.

Шорох щебня со стороны палаток вспугнул молчание. Острый луч фонаря скользнул по причудливо изогнутым веткам баобаба, и к костру подошел Рустан Галактионович, специалист по этнографии Северной Африки и переводчик экспедиции. Василий Гольцов тотчас расстелил рядом с собой шкуру. Этнограф присел на овчину и, покосившись на Александра, обнявшего термос, тихо произнес:

– Не вы распугали берберов? Кочевники сегодня сменили стоянку, и этому виной мы.

– А я гадаю, куда пропали рабочие. Странно, почему они не предупредили? Ведь я им не успела заплатить за последнюю неделю, – Анна Казимировна вопросительно посмотрела на этнографа. – Где их искать?

– А чего их искать? Нужны деньги, пусть сами идут, – отозвался шофер Василий, которого, по мнению начальницы, общие проблемы экспедиции интересовали больше, чем техническое состояние разбитого грузовика.

– Я вот часто задумываюсь над тем, как плохо мы знаем прошлое, – заговорил Рустан Галактионович, – Во многом, конечно, потому, что пращуров не отягощали мысли о том, как сохранить для нас сведения о событиях. Но из преданий и легенд, оставшихся от прошлых поколений, доносятся отзвуки былого. И, можно сказать, время повенчалось с историей и заперло её на женской половине дома. Так поступали в восточных семьях в прошлом. Взгляд чужого мужчины не должен касаться лица жены. Но мы-то для истории не чужие, мы можем и хотим видеть её лицо.

Рустан Галактионович выключил фонарь, закурил и продолжил:

– Попробуйте-ка представить себя без детства, юности, без мечты. Что останется? Я старше каждого из вас и, возможно, острее чувствую, как прошлое манит к себе.

Василий оглянулся на Александра, задумчиво смотревшего на тёмно-бронзовый наколечник стрелы в руках начальницы экспедиции, и воспользовался паузой:

– Наконец я понял, чем объяснить привязанность к археологии нашего знаменитого оператора. Он почувствовал зов чужой жены...

– Ценю юмор, – улыбнулся Рустан Галактионович, – Отношение к истории как лакмусовая бумажка. Я его называю критерием разумности. Помните вчерашнюю находку Анны Казимировны? Километрах в тридцати от дороги колесниц?

– Десять скелетов в полном боевом вооружении? И верблюды... Бронзовая культура? – напомнил молчавший до сих пор Борис Владимирович, археолог и знаток ушедшего искусства Чёрного континента.

– Да, да, Борис Владимирович! То, что нас так обрадовало, испугало наших друзей-кочевников, – сказала Анна, – Места эти в далекие времена принадлежали бафурам. Загадочному народу, который давным-давно исчез под натиском арабов с севера. Всё связанное с ними окутано необъяснимым страхом. Точнее, ужасом.

– Обнаруженное нами погребение в истории племени лемтуна связывается с бафурами, – добавил Рустан Галактионович, – Это я узнал сегодня от шейха племени. Кстати, рабочие, помогавшие нам, говорили, что Лахбиб потомок Пророка и обладает барака – святой благодатью. Якобы способен творить чудеса, в том числе убивать неугодных Аллаху на расстоянии без оружия. Святой шейх заметил, что подобные способности имели древние бафуры. Возможно, корни генеалогического древа шейха восходят к этому народу. И Пророк ни при чём.

– И вы верите в эту мистику? – возмущенно спросил Александр, непоколебимо считавший истиной только то, что можно увидеть глазами и снять на фотовидеокамеру.

Рустан Галактионович улыбнулся:

– Не спешите с выводами, молодой человек. Вы бы посмотрели, как он сегодня передо мной появился. Ночью в песках ящерицу слышно за сотню шагов, а тут никакого шума, словно шейх – тень самого Пророка. Подошёл совсем неслышно.

Он поднял огонь и поднёс к погасшей сигарете.

– Да, кстати о мистике, – выступил вперед Василий, – Я где-то читал или от кого-то на базе слышал о фее. Будто бродит по здешним барханам вечно молодая девушка божественной красоты. Одета она в необычную голубую тунику с длинными широкими рукавами. Фея всемогущая и очень добрая. Появляется она там, где нужно помочь несчастным влюблённым.

Василий с театральным вздохом обнял нахмурившегося Александра.

– Что ещё, Рустан Галактионович, сообщил вам невероятный и загадочный шейх? – спросила Анна, будто и не обратив внимания на слова Гольцова.

Банка с огнём вернулась на место. Бледные оранжевые тени пробежали по лицам и одежде людей. В неверном свете группа приобрела вид измученных долгим переходом арабов-кочевников, наконец добравшихся до колодца.

– Вас, конечно, прежде всего интересует причина дезертирства рабочих. Час назад шейх Лахбиб поведал мне легенду своего племени. Легенда оказалась столь интересной, что я записал. Итак, слушайте, – Рустан Галактионович включил диктофон и сложил по-восточному на груди руки, – Отвечать вам будет сам шейх. Безусловно, я буду синхронно переводить.

* * *

«Это случилось в те далёкие времена, когда Адрар ещё не стал для арабов родиной. Говорят, что у жителя пустыни нет отечества в привычном, традиционном для европейца понимании. Но кочевник всегда относился к барханам с большей любовью, чем белый человек к своим лесам и рекам. В далёкое время воины лемтуна захватили на дороге богатый караван, шедший с юга. Много пудов золота и слоновой кости бросили воины к ногам вождя и его любимой дочери Амриты. Они побили всех, кто сопровождал караван, но сохранили жизнь одному из тех, кто сопровождал ценный груз к северному морю. Это был раб. Его не заковали в колодки: куда он убежит в пустыне?!

Невольник оказался искусным художником. На небольшой наковальне делал украшения из золота. А под бронзовым резцом рождались на слоновой кости волшебные узоры. Восторженно наблюдала за работой мастера дочь вождя Амрита. И полюбила раба.

Но скоро настал день, в который всемогущий вождь пообещал выдать дочь за лучшего воина племени. Тому она достанется, кто покажет большую силу, ловкость и храбрость. Был назначен день игр. Все собрались возле палатки вождя.

Но воины знали, что во всём Адраре нет равных телохранителю вождя Тахару. Это был красавец с горящими беспощадностью глазами льва, презирающий слабость. Сильные воины, ловкие и бесстрашные в бою, сейчас видели лишь пыль у своих ног: они боялись Тахара. Никто не пожелал ради Амриты потерять жизнь под ударом непобедимого меча.

Сидящий у палатки вождь встал, чтобы объявить решение. Но не успел сказать первое слово, как в центр круга выпрыгнул черный невольник. Не имел права ничтожный раб поступать подобно свободному кочевнику. Его ждала смерть. Обратившись к вождю, могучий Тахар попросил разрешения убить наглого южанина. Воины одобрили просьбу собрата, и телохранитель уже нетерпеливо взмахивал мечом.

Получив разрешение вождя, Тахар бросился вперёд, но неожиданно отпрянул от чернокожего раба. А его меч отброшен далеко в сторону. Воины затаили дыхание, нахмурился вождь. Противники достойны друг друга. В черных руках нет оружия, но у освидрепевшего берберы нашёлся нож.

Вскрикнула Амрита, и к ногам африканца упал маленький кинжал. Зароптали воины. Однако раб, воспользовавшись полученным оружием, тотчас нанес удар, и вот уже Тахар повержен на песок.

– Связать! – приказал вождь.

Старый вождь не любил быстрых решений. Связали раба и бросили в невольничью палатку. Возмездие ожидало утра. Не успела утренняя заря упасть на капли росы, весь Адрар собрался смотреть на исполнение приговора. Жизнь убийцы оборвётся на камнях могилы Тахара – так было решено. Но в палатке связанного чужеземца не оказалось. Разгневанный вождь повелел бросить к его ногам дочь. Однако и Амриты нигде не нашли. Обожгли слёзы старое сердце, но голос был твёрд:

– Догнать беглецов!

Десять лучших воинов на быстроногих белых верблюдах разбудили утро пустыни. Ухватившись за бронзу мечей, они, словно духи, закружились в горячем воздухе.

Пустыня не знает равнодушия. Она может быть ласковой, может быть веселой. Но сегодня измена и вероломство наполнили её. Бережно сохранив следы беглецов, она выдала их преследователям. Пустыня не знает любви и надежды, у неё своя мера справедливости. Мера эта – сила. Сильнее была погоня – пустыня стала её союзником.

Медный щит в расплавленной лазури раскалился добела и застыл над головами. Длиной полёта стрелы измерялось теперь для беглецов расстояние до царства мертвых. Но судьба оказалась сильнее десяти верблюдов и их всадников. Пустыня поняла это, и мгновенно перед ними вырос обжигающий смерч песка и пыли. Злой хохот духов заменил предсмертную молитву воинам древнего племени.

Через несколько суток вождь всё-таки нашёл место их гибели. Через день обнаружил следы любимой дочери и раба. Но только следы... Словно южный ветер унёс дочь с чужеземцем. Долго совещался вождь со старейшинами и объявил это место проклятым.

С тех пор никто не видел там палатки кочевника, никто не слышал ни шагов верблюда, ни визга шакала...»

* * *

Этнограф нажал на клавишу. Глухой, шуршащий песком голос шейха исчез в ночной тиши.

– Вот так. Мы нарушили табу и сейчас, по местным поверьям, нас ожидает наказание. Духи пустыни не отличаются добротой, они ничего не прощают, – неторопливо сказал Рустан Галактионович и спрятал диктофон в походную сумку.

– Не знаю, что готовят духи, но кочевники нас уже наказали, завтра придётся работать и вместо них. Нам приказано прибыть на базу в Шингетти к вечеру, – невесело заключила Анна, – Пора ложиться спать. Отбой.

– Анна Казимировна, предание оказалось очень мрачным. Разве можно уснуть после этого? – заговорил Александр, – Я недавно такой мираж снял – очарование! И в истинном цвете. Всё готово, это минут на десять. Хотите, покажу? – он вопросительно посмотрел на Анну.

Миражами Александр увлекался давно. Снятые им кадры использовались и при съёмках фантастических фильмов. Воеводенко с кинокамерой побывал в ущелье Привидений, в Мессинском проливе, у сицилийской горы Ружо-ди-Калабрия. Не расставался с камерой и во время археологических экспедиций. В минуты отдыха все с удовольствием смотрели неповторимо красочные изображения.

– Ну что ж, прошу всех в кинозал, – согласилась Анна.

Александр откинул тяжёлый от росы полог палатки, служившей лабораторией. На экране появился волшебный оазис из восточных сказок.

По синему озеру плывут тугие паруса облаков. Кроны пальм скрывают чудесный дворец, в каких обычно хозяйничают неотразимые принцессы или наводящие страх дэвы. Зубчатые башни, цветные купола создают настроение лёгкой радости и ожидания встречи с чем-то приятным. Ко дворцу от озера поднимается мраморная лестница. Вдали, на её ступеньках, стоит женщина в голубой одежде с длинными ниспадающими рукавами. На берегу, у ближайшей пальмы, спиной к зрителям, замер атлетически сложенный негр, украшенный набедренной повязкой. Ствол пальмы обняла девушка, покрытая легким кирпичным загаром. Влажный ветер попытался сорвать с неё серую шерстяную тунику, но лишь покрыл зеркало озера рябью мелких беспокойных волн.

– Да ты прямо король иллюзий. Где ты это сумел снять? – удивленно воскликнул Василий, – Миражей с лицами мы еще не видели. Нет, где снято?

– Вы разбирали останки ископаемых верблюдов, а я ездил к колодцу. К ближайшему, помнишь? На обратном пути и снял.

– Повтори, хочу получше рассмотреть принцессу у пальмы, – попросил Василий.

Александр быстро прокрутил запись, и вот на экране полуголое тело чёрного человека, а затем женское лицо. Прямой нос, приоткрытые тонкого рисунка губы, изящный овал – девушка устремила взор к любимому... Очарованная волшебным видением, Анна из строгого начальника превратилась в молодую женщину, с которой можно заговорить обо всём, не боясь показаться нескромным или смешным. Она не отрываясь смотрела на экран, и сама стала похожа на восточную красавицу. Долгую тишину нарушил Борис Владимирович:

– Ничего не понимаю: не ночь, а какой-то клубок загадок. Или чудес. Смотрите!

На ладони у него медальон: овал тёмной слоновой кости в оправе красного золота. В причудливый золотой узор, окруживший рельефный рисунок женской головы, вплелись арабские буквы.

– Я его нашел в ста метрах от злополучного захоронения. Ничего не замечаете? – искусствовед зажег свет и озарил украшение из слоновой кости. Засветилось золото орнамента, выделилась арабская вязь.

– Какая прелесть! Да медальону цены нет! Сколько ему лет? – спросила Анна Казимировна.

– Не менее пятисот. Но не это сейчас главное. Посмотрите на экран. Видите? – Борис Владимирович поднял руку, – Какое сходство! Сегодняшний мираж и древний медальон: такое совпадение может быть только раз в истории.

– Молодец, Александр! Развеял впечатление от легенды, – Анна поднялась с ящика, – Теперь мы неделю спать не будем. Вы правы, Борис Владимирович, загадок много. На сегодня довольно, пора и отдыхать...

Но Василий, не дослушав ее, вскочил и взволнованно воскликнул:

– Неужели вы всерьёз считаете, что это простое совпадение? Нет же! Это ключ к тайне. И тайна эта... И, впрочем, хотите разгадку? Анна Казимировна, разрешите!

Возражений не было, и он продолжил:

– Изображение на медальоне и лицо на экране не просто похожи. Ясно как день, копия и оригинал. Чему вы улыбаетесь, Борис Владимирович? Вот прослушали легенду и сразу забыли. А она связывает в одно целое и мираж, и медальон. Где вы его нашли? От кладбища скелетов на расстоянии полета стрелы. Верно? Я уверен, что медальон когда-то принадлежал этой даме в серой тунике. А сделал его негр, стоящий рядом. Ведь он был мастером таких вещей. Короче, мираж – иллюстрация к легенде. Что вы на это скажете?

Василий замолчал и посмотрел на экран, потом снова на слушателей. Откровенная усмешка Александра возмутила его, он заволновался ещё больше:

– Нам повезло. Мы заглянули в другой мир, который человечеству давно знаком, но считается сказочным, существующим только в воображении. Вот вы смотрите на меня как на чудака, начитавшегося фантастических романов. Когда-то оба мира соприкасались, были рядом. Потом что-то случилось, и то гиперпространство стало как бы потусторонним, а позднее сказкой. Фея Моргана, волшебник Мерлин были живыми людьми. И похожими на нас, и другими одновременно. Может быть, и мы для них – непонятные фантастические существа. Перед нами поднялась фата Времени, о которой говорил Галактионыч. Необычный мираж – это же сигнал нам, людям. Поймите, простое совпадение невозможно: и легенда, и медальон, и мираж, да ещё и внезапный уход племени. Что всё связывает? Легенда! Несомненно, на экране мы видели её финал.

– Василий, ты романтик пустыни. Поздравляю, версия очень занимательная, особенно ночью... Ведь фея была непременным участником «круглого стола». Но пора спать, – Анна Казимировна тихо засмеялась.

Александр выключил проектор.

– Как хотите. Вы не археологи, а архилогики. Все равно я докажу, что прав, – обиженно произнёс Василий и вышел из палатки.

* * *

Яркие крылья рассвета поднялись над дюнами. Ночное безмолвие сменилось шорохом пробуждающихся песков. Небо наливалось тёплой голубизной и предвещало обычный жаркий день.

Пыльный вихрь в центре лагеря поднялся неожиданно. Палатки чудом выдержали бешеный напор. Начали собираться на завтрак, как необычное заставило всех остановиться.

В нескольких шагах от палатки-склада стоит девушка. Странная туника с длинными широкими рукавами переливается лазурью. Невдалеке дышит прохладой синее озеро, окаймленное полосой финиковых пальм. Свежая радуга разбежалась по куполам дворца, скрытого утренней дымкой...

...И грянул гром...

Посвящается Рэю Брэдбери

На улицы Фрэнка выгнала очередная ссора с Мадлен. Он испугался, что не выдержит и взорвется. Испугался не самого взрыва эмоций, а ожидаемых последствий. Кому хочется быть приглашенным в Центр Психической Корректировки? Мадлен стала совсем невыносимой.

«Почему Фрэнк не выбрал себе профессию пищепроизводителя? Или космознергетика? Почему она должна жить как какая-то пария? Если б она знала, никогда бы не соединила свою жизнь с неудачником. Эраст наверняка достиг». И так далее, и так далее. Насколько у него хватит терпения?

Престижные профессии имеют высокий уровень благ. Недовольство Мадлен понятно. Будут просторная квартира, натуральные продукты. А что ему, Фрэнку, придется десять месяцев в году проводить в полях или на орбите, ей все равно. Только поздно менять жизнь, нет ни сил, ни желания. Переаттестацию ему не пройти. И продолжать такое существование не вмоготу. Потеряны годы и способности. Была ведь тяга к литературе, творчеству. Где всё теперь? Если подытожить, то получается, что жизнь не удалась. И отвлечься нечем. Права Мадлен, он типичный неудачник.

Мадлен по профессии женский стилист. Лет пятнадцать назад, когда Фрэнк только узнал ее, она была совершенно другой. Каждый день меняла прическу, изобретая невероятнейшие композиции. И всякий раз представляла чуточку иной. Фрэнку казалось, что он присутствует на параде очарования: ежедневно видел почти незнакомую женщину, самую красивую и оригинальную. Она стала известным модельером.

Но как быстро проходит всё хорошее! Куда делись ее фантазия, воображение? А Мадлен увлеченно продолжала работать, не замечая, что ее модели заказывают все реже, что их уже не встретить на экранах, на приемах, нигде. Неопрятность, угрюмость, отвислый дряблый живот... Никакая прическа не исправит. Кто же будет смотреть на образцы такой модельерши?

Так много пешком он не ходил с юности. Эта улица ведет к площади. Как пусто кругом, ни человека, ни животного. Гладкие плоские стены домов, окна закрыты. Все заняты своим делом. Своим делом? Едва ли. Очередным зрелищем! Ох уж эти зрелища. Если б он пошел по пути призвания! Он бы тогда сделал! И что бы сделал? Разве превзойдешь всемирную «Паутину»? «Паутина» объяла все, чем мог заниматься человек.

Усталость накапливалась в нетренированных мышцах, икры ног отяжелели. Но до площади недалеко, там скамейки. Он посидит немного, успокоится, придет в себя.

Достаточно взглянуть на предлагаемый набор идей-сюжетов. Личный компьютер выберет соответствующий желанию и вкусам сценарий и тут же предложит его в развернутом виде. Изобрести свою идею? Но такое среди людей случается все реже. Всеохватывающая память компьютерной «Паутины» превосходит любую индивидуальность. Фрэнк и не пытается заказать что-то собственное. Он слышал, существует небольшая группа конструкторов зрелищ. Идеи-темы-фабулы-сюжеты... Хотелось бы посмотреть им в глаза.

Недавно в новостях передали о попытке нового подхода. Название запомнилось из-за странности: «Ретро-плюс-Иллюзион». Автор поставил задачу вывести людей из квартир в общие помещения на время зрелищного действия. Ничего это не даст, бесполезная попытка.

Вот и площадь. Пусто, как и на улицах. Пусто, скучно. Не на что посмотреть. Подземные магистрали, служащие для транспортировки людей на работу и обратно, привлекательнее. Вот и скамейка. Фрэнк плюхнулся на прохладный пластик и несколько минут успокаивал дыха-

ние. Потом осмотрелся. Здания вокруг похожи как близнецы: коробки, увенчанные куполами. На белых фасадах надписи-ориентиры. «Управление космических исследований», «Отдел распределения товаров», «Центр Пси-Времени». Понятно. А это что такое?

Миры Рэя

Радужные буквы мерцают теплыми мягкими искрами. «Уж не впадаю ли я в детство?» – спросил себя Фрэнк. Он-то думал, что успел позабыть те годы, когда краски окружающего мира казались добрыми и сочными, открывали собой нечто, обещающее красоту и счастье.

Миры Рэя... Это какого же Рэя? Вдруг Рэя Брэдбери? Фрэнк недавно, во время короткого перемирия с Мадлен, прочел книгу рассказов древнего писателя и до сих пор находился под влиянием волшебного очарования простых слов, лишенных визуального сопровождения. Или освобожденных от него? Раньше авторы умели писать сами. Бумага, карандаш – вот и все приспособления. Ничто не мешает свободному полету фантазии. Рука, глаз, и воображение. Сейчас как? – предлагаешь идею в компьютерную «Паутину», и тебе тут же дается на выбор несколько вариантов. Личный компьютер фиксирует один, переводит в видеоряд и начинает наполнение. Пока не достигнет высшей степени достоверность в действии, цвете, звуке, запахе. Сиди и наслаждайся событиями иной реальности.

Сколько было попыток превзойти достигнутое! Несколько лет назад какой-то энтузиаст – странно, что они еще появляются, имя не было упомянуто – вычислил, что в произведениях, созданных посредством бумаги, содержится нечто такое... Вычислил или определил? Неважно. Важно то, пытался доказать одинокий исследователь забытого, что древняя литература способна спасти человечество от духовного вырождения. Вырождение, возрождение... Нужны исключительные люди. Откуда они возьмутся? Кто согласится на трудоемкий творческий процесс, где надо все делать самому? При чтении книги Брэдбери Фрэнк сам убедился, что процесс самостоятельного чтения чрезвычайно отличается от усвоения подготовленного «Паутиной». Прежде всего – напряжением.

Да, все-таки в книгах есть «нечто такое»... Некий заряд, с которым не справляется и все-таки сильная компьютерная «Паутина». По всему выходит, современные произведения искусства лишены такого заряда. Будь на то воля Фрэнка, он бы использовал в качестве основы зрелищ древние бумажные книги. Только вот с технологией перевода возникнут проблемы. Вопрос в том, как сохранить максимум хранящегося в словах очарования. Созданное человеком плохо совмещается с технологией «Паутины».

Фрэнк предпочитает паутинные зрелища на космические темы. Смотришь, соучаствуешь – не оторваться. Через час ни в памяти, ни в чувствах и следа не остается. А «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери – не то! До сих пор стоит перед глазами золотоглазая Илла, расставшаяся с прилетевшей мечтой. А ведь у Рэя даже бытовая обстановка обрисована без всяких деталей, таким легким невесомым касанием. Просто удивительно, что такой результат достигается одним карандашом, без интеллектуального содействия компьютерной сети. Читаешь, и пробуждается что-то... И мозг принимается сам – сам! – конструировать детали того большого мира, который только намечен писателем.

В современные зрелища ничего не добавит. До мелочи все учтено, предусмотрено: разрез глаз, цвет солнца или луны, форма облака. Все! И повороты сюжета, всякие коллизии. Общеизвестно, они строятся на конечном числе канонических вариаций.

Того, что раньше называлось соавторством, сотворчеством, сегодня нет и не может быть. Сюжеты древних часто строились на идеях сказочных, несбыточных. Например, машина времени со всеми ее парадоксами. Будто они и не знали, что такое абсолютно невозможно, противоречит объективным законам бытия. Время сказок окончательно погребено в прошлом.

Континентальный Центр Пси-Времени.

Сектор критической оценки.

30 июня

Рабочий день в лаборатории экспертного анализа начался обычно. Главный экран показал голову заведующего сектором оценки Тимоти, краснокожую и черноволосую.

– Прошу доложить состояние и перспективы исследований, – Тимоти говорил быстро и энергично, оправдывая элитарное чисто индейское происхождение.

Докладывал начальник лаборатории Аллан:

– Первоочередная задача – рассмотрение итогов локального моделирования поля времени в пределах суточной экстраполяции. Обнаружены мощные отклонения вектора творческой напряженности.

– Любопытно. В чем же причина? – спросил Тимоти.

– Ждем ответа на запрос. «Паутина» не считает проблему актуальной. Оснований для ускорения ответа не имеем.

– Есть ли необходимость в подключении дополнительных мощностей?

– Пока процесс развивается в пределах допустимого. Но само явление по классификации Бочарова из разряда неординарных.

– Как вижу, Аллан, вы опять расходитесь в оценке с «Паутиной»?

– На этот раз со мной согласны все участники экспериментального моделирования. Похоже, мы случайно наткнулись на всплеск индивидуальной активности социально деформированной личности. «Паутина» не способна контролировать все мозговые всплески. Я настаиваю на создании направления по стабилизации временного потока социосферы, независимого от «Паутины».

– Я буду иметь в виду ваше предложение. Тревогу считаю необоснованной. «Паутина» не ошибается.

* * *

Вывеска притянула как магнит. Дверь неслышно открылась от легкого толчка. Фрэнк оказался в просторном помещении. Справа за овальной линией рабочего стола сидит человек и, наклонив голову, что-то пишет на листе бумаги. Фрэнк вздрогнул. Он вспомнил, куда попал: «Ретро-плюс-Иллюзион». А за столом-конторкой автор проекта. Теперь он сможет познакомиться с ним.

На стене позади стола висит портрет. Слева от него имя – Рэй Дуглас Брэдбери. И год рождения – 1920. Справа слова писателя: *«Пожалуй, прежде всего я занимаюсь волшебством. Словно фокусник, я манипулирую наукой и техникой и заставляю поверить в невозможное».*

Оригинально! Взгляд пробежал дальше. Голые стены и закрытые двери. На дверях по несколько слов. Фрэнк вгляделся.

И грянул гром...

Вельд...

Марсианские хроники...

О скитаниях вечных и о Земле...

Еще, еще... Кое-какие из заголовков – да, именно заголовков – ему знакомы. Тихонько, чтобы не побеспокоить человека, склонившегося над бумагой, он приблизился к дверям. Неужели такое возможно? Вдруг это эксперимент в форме розыгрыша? Скорее всего так, какое-нибудь управление занялось выявлением социально неустойчивых, и он попался на крю-

чок. Надо уходить, пока не стал жертвой в чужой игре. Поведение Фрэнка и так в последние недели выходит за пределы общественно-допустимых рамок.

Но миры Рэя не отпускают. В каждой двери круглое окошко. Сейчас он заглянет в некоторые, и покинет это странное здание. Чтобы вернуться к Мадлен? Зачем торопиться! Возможно, находится сегодня рядом с ней еще более рискованно.

«Марсианские хроники» – значилось на ближайшей. Фрэнк решился и подошел. За окошком: цветковые волны, вспышки, тени. Тотчас воспоминания вернули его в прочитанное. Неуловимый аромат, неслышные мелодии. Всё на краю реальности. Сполохи; неземной огонь, прозрачный и живой.

«Третья экспедиция...» Цветной город в живых песках. Две луны. И ночь, и день одновременно. И красные горы вдали. Чей-то зовущий взгляд... Марсианская Венеция. Улицы-каналы. Белые колонны, лодки, далекая песня, женские голоса.

Другая дверь. Коротким вензелем: «Вельд». Небо с ослепляющим враждебным шаром. Топот антилопных копыт по упругому дерну, шуршащая поступь крадущихся хищников. В небе силуэт птицы. И львы, которым предстоит съесть родителей мальчика. Не Фрэнк ли тот мальчик? Или он его отец? И волна запахов: густой, сушащий ноздри – жухлой травы; влажный – близкого водоема; едкий, резкий – животных. И пыль, клубящаяся в раскаленном воздухе облачком красного жгучего перца.

Кажется, он думает словами Брэдбери. В голове легко. Пусть будет розыгрыш, он не пойдет домой. Он останется здесь, где нет Мадлен. Человек за столом поднял голову.

– Зачем это все? – дрожащим от волнения голосом спросил его Фрэнк.

Далекое, как в перевернутой подзорной трубе, лицо улыбнулось спокойно и чуть устало. Голос, будто знакомый:

– Вы сможете проверить, было ли это на самом деле. И увидеть, как было. Действительно ли львы оказались людоедами, или это чистейшей воды вымысел. Но такое не для вас, я вижу. Вы слишком чувствительны. Вам я предложу другое...

Фрэнк приблизился к человеку за столом. В настенном зеркале рядом увидел себя: худое постаревшее лицо с беспокойно горящими глазами, тощая фигура. Не стоило смотреть, стало неуютно и тоскливо. Он расстроено повернулся к человеку за столом и обомлел.

– Эраст!

Так вот кто автор «Ретро-плюс-Иллюзиона»! То же, что и пятнадцать лет назад, лицо: привлекательное, дышащее здоровьем. Крепкие, уверенные руки. И как Мадлен отказалась от него? Была бы теперь хозяйкой этого заведения. Эраста считали социально неустойчивым, вот в чем дело. А Мадлен желала сегодня и всегда уверенности, перспективности. Но расчет на Фрэнка не оправдался.

Молодец, Эраст, нашел свое место, пусть и через столько лет. Хозяин «Миров Рэя» вышел из-за стола и встал перед Фрэнком. Высокий, крепкий, сильный.

– Не ожидал, Фрэнк, что одним из первых будешь ты. Даже первым. Я только что открыл занавес...

Фрэнк промямлил в ответ, что рад встрече и успеху Эраста. И смутился оттого, что сейчас придется рассказывать о Мадлен, о своей службе в Управлении Санитарного Надзора, о жизни в тесной квартирке.

– Я понимаю тебя, – дружелюбно сказал Эраст, – Ты не ожидал меня встретить. Тебе трудно говорить со мной. Что ж, загляни в одну из дверей. И потом, если сочтешь нужным, вернешься ко мне. Я буду рад. Такой вариант подходит?

Фрэнк кивнул, проглотив вязкий ком.

– Тогда пойдем. Предлагаю наиболее безопасное, интересное и увлекательное путешествие. Оно успокоит нервы, придаст сил.

Они остановились у двери с заголовком «*И грянул гром*». Эраст притронулся к двери, и под окошком зажглись буквы:

А/О САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ
ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДОБЫЧУ
МЫ ДОСТАВЛЯЕМ ВАС НА МЕСТО
ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ

– Всё, как у автора. Кроме действующих лиц. Проводников, охотников нет. Пока я в единственном числе. Я провожу тебя, Фрэнк. Реальность за дверью смоделирована таким образом, что ты забудешь о моем присутствии.

Конструктор зрелищ внимательно посмотрел на лицо растерянного посетителя и продолжил:

– В рассказе Брэдбери описана действительность. Как произошло на самом деле. А у меня: «как на самом деле». Все дело в маленьком «как». Оно-то и гарантирует безопасность личную и всеобщую. Ведь тебя это беспокоит? Ты знаком с рассказом «И грянул гром». Я увидел это, когда ты подошел к этой двери. Условия путешествия другие: стрелять не будем, но тебе придется выполнять все мои команды. Штрафов или наказаний не предполагается. Первый посетитель идет бесплатно.

Эраст улыбнулся, и знакомо, и загадочно. Фрэнк чувствовал себя как-то непонятно. Встреча с Эрастом всколыхнула давнее и наболевшее разом. Захотелось повернуться и бежать отсюда, пусть к опостылевшей Мадлен, к надоевшим санитарным коммуникациям. Но еще больше тянуло открыть дверь, войти в мир, созданный тем самым волшебником Рэем и воссозданный трудом и талантом Эраста.

– Здесь нет риска, описанного Рэем. Но и гарантий я дать не могу. Все-таки первый раз. Первый клиент. Всё впервые...

Нет гарантий... Фрэнк повернул голову в сторону стола-конторки. Где-то тут проводник Тревис стреляет из ружья в путешественника Экельса. Тот на коленях, почти лежит, дрожащие пальцы тянутся к золотистой бабочке, прилипшей к грязной подошве. Гром выстрела – и точка поставлена. История продолжается с красной строки.

– Эраст, почему ты выбрал Брэдбери? – хрипло спросил Фрэнк.

– Когда-то я пытался объяснить тебе. И Мадлен... О своем видении. Рэй не просто фантаст. Он даже совсем не фантаст. Он волшебник. А волшебство – всегда жизнь. Даже больше чем жизнь. Рэй воспроизводит человека, и он у него делается живым. И не только человека.

Фрэнк словно попал в собственный сон. Совсем недавно читал Брэдбери и восхищался им; и вот стоит перед дверью, за которой реконструирован один из миров писателя. Но проводником у него будет не мистер Тревис, а возникший из личного прошлого Эраст, бывший друг. Эраст, бывший возлюбленный ненавистной Мадлен. Почему бы Эрасту не удержать ее тогда, пятнадцать лет тому, если он такой целеустремленный, сильный и решительный? Наверное, Эраст видел дальше Фрэнка. Если бы Мадлен осталась с Эрастом, то автором «Ретро-плюс-Иллюзиона» мог бы стать он, Фрэнк.

– Мое изобретение обеспечивает присутствие внутри рассказа, – продолжал готовить его к путешествию автор «Иллюзиона», – Будет не эффект присутствия, а само присутствие. Никакой иллюзии, как в «Паутине». Объективная достоверность! Я создаю пространство, моделирую обстановку. В моих «Марсианских хрониках» подлинные красные пески. А за этой дверью – джунгли доисторической Земли, динозавры и прочее.

– Но если все настоящее, то это должно быть опасно? – осторожно спросил Фрэнк, пытаясь преодолеть робость и страх.

– Да, – легко согласился Эраст, – Опасность есть. Ведь за дверью не игра, а кусочек жизни. Но – повторяю – это как бы действительность. Тончайшая пленка разделит нас и мир Рэя. Не соприкасаясь с ним, мы будем скользить на грани проникновения. Разномгновенность двух миров, нашего и того – вот та пленка, что будет нас охранять. Верность моих расчетов подтверждена «Паутиной». Иначе мне не дали бы лицензию.

Внезапно Фрэнк понял, чего добивается Эраст своим изобретением. Сколько в мире таких, как Фрэнк: запутавшихся, пытающихся убежать из надоевшего быта в паутинные сочинения с их игровым эффектом. Всего лишь игровым. А здесь, в эрастовом «Иллюзионе», сама реальность; можно побывать в ином пространстве и времени, на самом деле отгородиться от надоевшего, позабыть о бессмысленности собственной жизни. За дверью его никто не достанет! Безопасный, удобный, свободный мир! Ведь люди живут как цветки в оранжерее, как птички в золоченых клетках.

За пребывание в мирах Эраста люди отдадут все! К Рэю Брэдбери присоединятся другие писатели. Повести и романы примут всех с любым вкусом и любыми капризами. Каждому Эраст найдет свое, родное укрытие. На день, месяц, год... Заплатил – и живешь где хочешь. Автор и владелец «Ретро-плюс-Иллюзиона» станет хозяином, владельцем чувств и желаний всего человечества.

Всего за пятнадцать лет! Зависть и ненависть охватили Фрэнка, ему захотелось взять Эраста за горло и душить; душить до тех пор, пока... Но куда ему! За годы он растерял не только талант, но и физическую форму, ставшую ненужной. А Эраст остался каким был в юности. Лишения закалили его. Возбуждение, покинув слабые мышцы, собралось в нервах, руки дернулись к двери. Эраст, воспринял его движение как знак готовности и коснулся рукой окошечка; перед ними предстала Машина. Точно такая, как в рассказе Рэя.

– Машина Времени, Фрэнк. Создать ее оказалось не так трудно. Ведь в рассказе «И грянул гром» описана не фантастическая, а действующая машина. Недостающее в описании я восполнил с помощью «Паутины». Где-то Брэдбери видел ее, настоящую, в действии. Очень странно, Фрэнк...

Фрэнку было не до секретов творческого озарения Рэя Брэдбери. Он судорожно вздохнул и сделал шаг вперед. Цветок из оранжереи перенесли в открытое поле, под ветер, дождь, снег. Птичка устремилась в открытое небо, туда, где ее ждут коршуны и ястребы...

Континентальный Центр Пси-Времени.

Сектор критической оценки.

Рабочее место заведующего.

1 июля. Утро

Перед Тимоти горизонтальный ряд экранов слежения. На центральном фигура Аллана. За его спиной работники лаборатории, окружившие рабочий макет столицы.

– Слушаю тебя, Аллан, – Тимоти смотрел настороженно; его вызывали на сеансы связи в исключительных случаях.

– Наш прогноз подтверждается. Включился «Ретро-плюс-Иллюзион». Автор открытия, он же технический исполнитель Эраст Дальнов. Лицензия на социальное воплощение выдана Управлением Зрелищ два месяца назад. Данных о личности Дальнова недостаточно. Суть эксперимента: воспроизведение реальностей, заключенных в произведениях книжной классики. Первый опыт – миры Рэя Брэдбери, двадцатый век. Энергопотребление меньше запрошенного.

По лицу Аллана, невыразительно полному, пробегают блики от работающих дисплеев.

– Каковыми могут быть следствия отклонения вектора напряженности для работы управленческих структур? – спросил Тимоти, – Ведь источник территориально близок.

– Могут пострадать не только они. Не только мы. Образовалось ядро неустойчивости, стягивающее индивидуальные психоэмоциональные излучения отрицательного знака. Усиливается общеизвестная нестабильность нашего мира. Поле возмущений, достигнув предела, может скачкообразно распространиться за границы Площади. Не исключено размывание временных координат.

– Ошибка, вирус, неверная программа? В чем конкретная причина?

– Я связался с профессором Марк-Клейном, ведущим специалистом по древней литературе из Управления Зрелищ. Он делает странный вывод: причина в самом содержании реализуемого литературного произведения. Надо знать точно, какой именно сценарий запущен в работу. Связи с «Иллюзионом» нет. Имеет значение также, по Марк-Клейну, усиленная направленная мысль автора проекта. Необходимо привлечь Управление Зрелищ для оценки воздействия эмоциональной составляющей конкретного рассказа Брэдбери на Пси-фактор.

– Это я беру на себя, – отреагировал Тимоти, – Направьте команду непосредственного контроля в «Ретро-плюс-Иллюзион». И пусть они восстановят связь – ведь это смеху подобно по нашим временам.

* * *

Фрэнк попал внутрь мерцающего облака. Эраст указал на сиденье, сам устроился рядом.

– Мы уже в пути. Окажемся точно в том году, который изображен в рассказе.

Ни воя, ни гула, только легкое покачивание пола. Остановка. Облако рассеялось, и перед Фрэнком предстал древний земной лес, отделенный от Машины болотом, накрытым белесым паром. Все-таки правда! Эраст гений! Все ушло, все пропало, осталось за порогом. Как легко и спокойно, впервые за столько лет... А вот и тропа, по ней предстоит пройти. Металлическим зигзагом она уходит куда-то в темные заросли, поднимающиеся грозной стеной. Фрэнк ступил на сверкающую полосу, нагнулся, тронул ее руками.

– Да, прохладна, тверда. Она есть, существует. А вокруг нас, все это, – он разогнулся, обвел руками кругом, – Это ведь чистая иллюзия?

Фрэнк рассмеялся как-то напряженно, с оттенком едкой иронии:

– А ты всегда мог определить, что в твоей жизни ложь, а что правда? Никогда не ошибался? В моем мире так же. Ты вошел в игру сам, без принуждения. Теперь придется играть по моим правилам. Найти свой путь всегда не просто. Не сходи с тропы, Фрэнк.

Он снова рассмеялся; Фрэнку вдруг стало жутко, как внутри кошмарного сна.

– Ты уверен, Эраст, что не получится так, как в рассказе Брэдбери?

Тот снова рассмеялся вызывающим жуть смехом. Но сказал негромко и спокойно:

– Ты опять о своем, Фрэнк. А чего ты больше желаешь: изменить или сохранить свой мир? Как захочешь, так и будет, Фрэнк. Как захочешь...

Фрэнк понял, что Эраст смеется над ним: над его страхами, неуверенностью в себе и замолчал. Он уже ничего не понимал: зачем он здесь, что ему надо и как реагировать на происходящее. Хорошо бы оказаться в своей молодости, когда он ни от кого не зависел, ни с кем ничего не делил: ни квартиры, ни работы, ни игры. И начать все заново, чтобы не оказаться в таком вот смешном положении. Он осторожно переступил, покачнулся и чуть было не сошел с тропы. Испарина покрыла тело. В ушах зазвучали слова, прочитанные им месяц или вечность назад: *«И покуда нам не известно точно, что наши вылазки во Времени для истории – гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным».*

– Я не стрелял красящими пулями в динозавра. Мы здесь не для того, чтобы убивать. Не надо так волноваться, Фрэнк.

Голос Эраста звучал приглушенно, издалека.

– Но чудовище будет. Рассказ есть рассказ! Возможно, Фрэнк, последствия столкновений с иллюзией иногда серьезнее и страшнее, чем с чем-то вещественно-настоящим. Разве я не говорил тебе об этом в нашем общем прошлом? Ты должен помнить, ведь это ты его разрушил.

«Нашем общем прошлом... А что делать с нашим общим настоящим? – молча спрашивал себя Фрэнк, – Куда я попал, и что со мной будет? Мне уже не хочется оставаться здесь. Входная дверь пройдена, а выхода не вижу. Машина Времени... Несколько сидений, что-то еще непонятное, облачное, светящееся. Как на таком призрачном аппарате вернуться назад? И все зависит от него, забытого друга».

Фрэнк спрашивал себя, пытался ответить, и шел следом за проводником по отсверкивающей ленте к приближающейся темно-зеленой громаде. Без ружей навстречу ящеру. В расчете на «разномгновенность». В раздумье он не заметил, как отстал Эраст, как остался один там, где кончалась тропа. И очнулся, когда увидел над собой Глаза, а в них свое двойное одинокое отражение. Оглянулся и понял – не осталось у него ничего своего, от которого еще час назад готов был отказаться. А сейчас хотел бы вернуть...

Планетарное Управление Зрелищ.

Кабинет ведущего специалиста Марк-Клейна.

1 июля. День. Первая половина

Рядом с Марк-Клейном член высшего слоя Управления Координации Ленора Карская, молодая женщина с непроницаемым лицом, полускрытым ниспадающими локонами высокой модельной прически. На двух экранах напротив них Тимоти и Аллан. Говорит Ленора Карская:

– Мы на грани «Ч»-ситуации. Возможны разрывы причинно-следственных связей в глобальном масштабе. Что вы предпринимаете?

Отвечает Тимоти:

– Фактор времени в ядре напряжения дестабилизирован. Энергия нашего противодействия уходит в возникший провал...

– Вы не в силах остановить начавшийся процесс?

В обсуждение вступает Аллан:

– Уважаемая Ленора, все не так, как мы думали. Выявлено действие неизвестного типа взаимосвязи психоэнергетики и временного потока. Литературные шедевры прошлого, обладающие особо высоким внутренним зарядом, в некоторых условиях способны вывести колебания нашего мира на пик неустойчивости. Может не хватить энергии всех накопителей на локализацию и подавление растущих возмущений.

Марк-Клейн, прежде чем высказаться, высоко поднял левую руку:

– Посмотрите на меня. Эта рука имплантирована. Я наполовину не свой. Мне почти сто пятьдесят лет. Данное обстоятельство дает мне право на еретический вывод. Он – результат всей моей жизни. Кратко: наше доверие «Паутине» безосновательно. Сколько десятков лет мы живем умом «Паутины»? Она нас заверила: машина времени в принципе невозможна. «Паутина» ошиблась! Я знаю, какой сюжет введен в «Иллюзионе» первым: рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром». Компьютерная «Паутина» учитывает объективные факторы. Но сегодня сам человек стал машиной времени! Он изменяет конкретную наполненность временного потока в данный момент. Если я прав, и в действии именно тот сценарий – а я безусловно прав – надо ждать изменений настоящего. Только мы их не заметим! Ошибка! Воссоздание миров, описанных с предельной достоверностью, равносильно путешествию в эти миры. А мы еще не учитываем вопрос веры! Если человек верит во что-то на пределе своих сил – это случится. Какие внутренние и внешние факторы формируют изменения столь масштабные, далеко не ясно. Надо признать – процесс неуправляемый. Нами. Остается одна надежда: высланная

в «Иллюзион» группа сможет разомкнуть психоэмоциональную цепь «Рэй Брэдбери-Эраст Дальнов-Фрэнк».

– Разве такое возможно? – спросила Ленора Карская, – Чтобы изменить мое настоящее, и я того не заметила!

Марк-Клейн усмехнулся в седые усы:

– Боюсь, вам грозит мужское перевоплощение. Схема проста: человеческое сознание перемещается в далекое прошлое. Изменяет там что-то неуловимо малое. Скажем, убивает птичку. Это малое изменение в балансе остается там, в прошлом. И начинает работать. К нам приходит результат цепи перемен, учесть которые не способны миллиарды «Паутины».

– Прошу прощения, – Аллан прервал просвещение Леноры, – На связи группа непосредственного контроля. Первый сеанс!

На экранах Площадь. Пять человек в специальной форме стоят рядом с фасадом одного из зданий. Говорит старший группы, не поворачиваясь лицом к невидимым собеседникам:

– Здесь ничего нет! Никакого «Ретро-плюс-Иллюзиона». Открытая дверь и за ней пустота.

Марк-Клейн с ноткой восхищения:

– Этот Эраст – сам дьявол! Есть по нему справка? Хоть это успеть узнать, прежде чем...

Он громко читает с экрана сведения о Дальнове и комментирует:

– Полюбуйтесь на еще одну ошибку «Паутины», прикрываемую высочайшим Управлением Координации. Вы, Ленора, вместе с вашими коллегами, недостойны перевоплощения. Эраст Дальнов десять лет вне поля зрения «Паутины». Жизнь по вашему принуждению на островах изгоев, в полной изоляции от техносферы. Он смог то, что мы считали невозможным. Кто от кого в изоляции?..

* * *

Глаза... Две светло-серые глыбы с пылающими в них шарами черного огня. Близкий раскат грома по сравнению с ними детская хлопушка; удар молнии – как искра кухонной зажигалки.

Где же Эраст, предатель и убийца?! Сбежал, оставив Фрэнка наедине с монстром. Месть за прошлое – вот что вело Эраста по пути эксперимента; он знал, что Фрэнк явится к нему и подстроил эту жуткую встречу! Он бросился в сторону, свалился с тропы, из последних сил выбрался по плотной вонючей траве из кишящего гадами болота и бросился вперед, не сознавая куда и зачем.

Фрэнк и не думал, что повторяет поведение Экельса; ужас сковал его мозг, заставляя действовать как мышь, судорожно бегающую по комнате, в которую ее заперли вместе с кошкой, в поисках спасительной щели.

Очнулся Фрэнк на скамейке. Открыв глаза, ощупал голову, ноги, туловище. Одежда влажная, в зеленых пятнах, пахнет содержимым санитарных накопителей. На ботинках комья сырой черной грязи. Кругом скамейки: чистый асфальт площади. Он осмотрелся, ничего не понимая. Площадь та же. Те же вывески-ориентиры столичных управленческих организаций. Или чего-то на площади не хватает? Но чего? Остро захотелось домой, сбросить одежду, лечь в ванну. Он снял левый ботинок, чтобы счистить грязь о край скамейки. На подошве слой жирной вонючей земли. Каким образом он ухитрился так запачкаться? На каблуке желтеет пятно; он поднес ботинок к глазам – цветочные лепестки, похоже на ромашку. Нежели он побывал за городом? Это немыслимо, ему там нечего делать. Чуть-чуть приведя себя в порядок, Фрэнк поднялся и медленно, неуверенной шаркающей походкой, оставляя темные следы, поплелся домой. Через несколько минут вернулась память.

Эраст, Машина Времени, динозавр, страх, бегство через болото и заросли колючих кустов... Неужели все это было? Вернуться и проверить сил нет. Хотя внешние свидетельства подтверждают истинность путешествия. Уж очень большие лепестки у ромашки, на теперешней Земле такие не растут.

Вот к чему приводят дурной интерес к древним книгам и любопытство. И зачем он поссорился с Мадлен? Если б не ссора, ничего бы такого не случилось. Все, хватит, теперь он ей и слова против не скажет! И ни одной книги в руки не возьмет! Такие приключения не для него, ему нужна спокойная размеренная жизнь. Какая была до сегодняшнего дня.

Помнится, в рассказе Брэдбери Экельс тоже наступил на цветок и уничтожил его. В результате мир будущего изменился, стал чужим для тех, кто отправился на сафари в прошлое. Из-за цветка. Из-за цветка Экельса. Но машина времени – вещь невозможная, его мир остался прежним. Та же пустынная улица, те же дома, ничего не изменилось. Все же Эраст молодец, его «Иллюзион» неординарная штука. Вон как ударило, до сих пор мозги не проясняются. И никак не вспомнит, каким же образом он ушел от ящера с его ужасными глазами. Почему-то в памяти остались глаза-глыбы, а не пасть с зубами-кинжалами. Надо бы встретиться с Эрастом, поговорить в спокойной обстановке.

А почему он решил, что это цветок? Фрэнк зашевелил губами, вполголоса воспроизводя отрывок из запомнившегося рассказа:

«Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

– Нет, не может быть! Из-за такой малости...

Нет! На комке было отливающее зеленью, золотом и чернью пятно – бабочка, очень красивая... мертвая».

Фрэнк вытащил из кармана правую руку, сжатую в кулак. Разжал грязные пальцы. На ладони лежат четыре помятых желтых лепестка, испещренные коричневыми прожилками. Цветок? Крылья бабочки? Теперь уже не разберешь. Фрэнк по-детски вздохнул, слезы набегали на глаза.

Вот и его дом. Прозрачная кабина лифта подняла на двадцать пятый этаж, он подошел к своей двери и облегченно перевел дух. Знакомая серая обивка универсальной изоляции. На ней, на уровне пояса, царапина, он сам оставил ее неосторожным касанием шипа розы. Как давно! Надо обратиться в медицинское управление, заявить о болезни. Все его страхи, беспокойство, слабость – от эмоциональной неустойчивости. От нее же неверная реакция на Мадлен. С сегодняшнего дня он будет жить по-другому, мирно наслаждаясь столь дорогим покоем. Как только объяснить Мадлен свой вид?

После ванны он ляжет на свой диван, войдет в родную надежную «Паутину», стена напротив оживет, и он окажется внутри сценария, выбранного для него личным компьютером. Ни страданий, ни потерь, ни несчастий. Можно прожить жизнь разведчика иных вселенных, встретить там ужасных монстров, схватиться с ними врукопашную. Можно даже получить смертельное ранение в героической схватке, но при этом ни одна клеточка его тела не пострадает. А глубина, подлинность впечатлений – ничуть не меньше, чем в «Иллюзионе».

«Нет, не быть Эрасту властелином всех человеческих чувств. Даже чувств одного человека, Фрэнка или Мадлен», – улыбнулся он.

Континентальный Центр Пси-Времени.

Экспертный зал.

1 июля. Вторая половина дня

Экстренное заседание Совета Быстрого Реагирования. За столом председательствующего седовласый Марк-Клейн. Он берет слово, поднимается и долго молчит. В зале нарастает шум.

– Мне выпала великая честь сказать последнюю речь в истории этого мира.

Голос Марк-Клейна устанавливает тишину.

– Я молчал всего десять минут. И вызвал ваше недовольство. Что достойно удивления: отгоняя комара, вы не замечаете летящего рядом слона. За истекшие десять минут мы потеряли все линии связи. Посмотрите на табло информации – Управления Координации для нас уже не существует. Что означает одно – «Паутины» больше нет!

Голос из зала:

– Пропажа связи – случайность. Ваш вывод неправомерен.

– Неправомерен!? Получив известие об исчезновении «Ретро-плюс-Иллюзиона», вы могли бы понять сами. Началось в ту секунду, в то мгновение! Случайно встретились сегоднешним днем два человека, Фрэнк и Эраст. Бывшие друзья, не видевшиеся пятнадцать лет. Их объединяет одна женщина. Оба читают в подлиннике древние книги, оба увлеклись Рэем Брэдли. Оба люди творческого таланта; один нераскрывшийся, угнетенный, другой – реализовавшийся вопреки обществу. Тоже случайности? Они действовали вчера, в модели Аллана. Нашему шатающемуся от отсутствия человеческой активности миру нужно было именно такое совпадение. Дело за малым толчком. И он сделан был, когда включилась Машина Времени из сценария древнего писателя. Я многие годы ждал неизбежности, и она пришла! Волна парадокса вот-вот прокатится и сквозь нас...

Выкрик из зала:

– Немедленно наложить запрет на нетрадиционные зрелища!

Марк-Клейн горько и торжествующе улыбается:

– Надеюсь, придя на смену самим себе, мы станем благоразумнее. Запрещать и бессмысленно, и поздно.

Взволнованный голос Тимоти:

– В таком случае, мы не успели. И сектор оценки исчезнет. Но тогда!

– Как верна запоздалая оценка руководителя сектора оценки. Да, если «Иллюзион», исчезнув, вновь появится, мир станет ареной непрерывных изменений. И будет перестраиваться раз за разом, пока не исчерпает потенциал перемен, пока история людей окончательно потеряет смысл...

* * *

Фрэнк стоит у двери уже минуту, а она не открывается. Неужели поломка системы опознавания? Иногда такое случается. Придется стучать. На стук дверь приоткрылась, до Фрэнка донесся голос Мадлен:

– Дорогой, к нам гость. Встреть пожалуйста, я не совсем одета.

И звук удаляющихся шагов, быстрых, легких. Неужели это шаги Мадлен? Он вспомнил ее тяжелую утиную походку и не поверил ушам. Прихожая встретила Фрэнка другим сюрпризом: вместо прежнего, прямоугольного – овальное зеркало с дорогой внутренней подсветкой. Когда она успела? Он прошел в комнату и застыл: открыта дверь во вторую (!) комнату, а у дивана стоит Эраст и говорит в сторону ванной:

– Мадлен, дорогая, ты не забыла, у нас сегодня еще и презентация твоей новой модели. Ожидается экспертный совет в полном составе.

Фрэнк перестал соображать, глаза его забегали по стенам, он со страхом ждал, когда Эраст повернется к нему лицом. У стены, где всегда висела его книжная полка, стоит целый книжный шкаф. Он отчетливо видит корешки древних книг, только выглядят они уж очень

свежими, почти новыми. Он присмотрелся и стал разбирать надписи. Верхняя полка занята книгами одного автора.

«Эраст Дальнов» – значит на светлых корешках переплетов красными буквами. Ближайшая к нему имеет знакомое название: «Ретро-плюс-Иллюзион». Фантастический рассказ. Эраст – автор «Ретро-плюс-Иллюзиона», это понятно. Но почему фантастический рассказ?

К Эрасту подбежала – нет, подлетела, подпорхнула – стройная молодая женщина в обтягивающем девичью фигурку легком ярком платье, в замысловатой прическе, украшенной ценными минералами. Эраст мягко взял ее за плечи, прикоснулся губами к щеке.

– А где же наш гость? – раздался такой знакомый голос Мадлен.

Они повернулись и Фрэнк узнал ее. Узнал такую Мадлен, какой она была до... Какой он хотел ее видеть иногда, в минуты примирения.

– Эраст, это к тебе, – Мадлен светящимися, счастливыми глазами скользнула по лицу и фигуре Фрэнка, ее красиво вырезанные губы дрогнули усмешкой при виде тщедушного человека в грязной одежде.

Эраст смотрел на него и тоже не узнавал. Пожав плечами, он приблизился к Фрэнку, всмотрелся в его лицо, глаза в удивлении расширились.

– Фрэнк!? Тебя не узнать. Прости! Мадлен, иди к нам. Это же Фрэнк. Сколько лет мы его не видели? Десять? Пятнадцать?

– Какой Фрэнк, дорогой?

Фрэнк похолодел, не в силах промолвить и слова. Так вот почему ему казалось, что на площади чего-то не хватает! Все было! И бабочка – или цветок – тоже! Нет у него теперь ни дома, ни Мадлен. Ничего у него нет.

В его квартире живет Эраст, автор фантастических произведений, которые издаются в форме книг. И если Эраст здесь, то там, в доме на площади, его нет. И нет в реальности самого «Ретро-плюс-Иллюзиона». Даже вывески от него не осталось. Он имеется только на страницах книги, что стоит в шкафу, и в голове Фрэнка. Ведь для создания «Иллюзиона» нужен Эраст прежний, Эраст-неудачник, социально-бесперспективный, почти отчаявшийся, преданный Мадлен и Фрэнком. Нужен Эраст, прошедший жизнь в изгнании.

Вот почему на площади нет вывески «*Миры Рэя*». И нет прежнего Эраста. И Фрэнку не войти в Машину Времени за дверью с табличкой «*И грянул гром*». И не изменить измененное.

Сможет ли Фрэнк сам повторить путь, пройденный Эрастом? И однажды встретить его, сидя за столом своего собственного «Ретро-плюс-Иллюзиона»?

Тайна замка «Елена»

Бывший полицейский, наделённый парапсихическими способностями, занялся частной практикой. Полиция, расследуя убийство в доме крупного бизнесмена, признаёт своё бессилие. Хозяин замка вынужден обратиться за помощью к частному детективу.

1 декабря

Филл остановил такси у съезда с шоссе к загородному особняку Боровских. Захотелось пройти среди багряного частокола зимних сосен, скрывающих за собой древний замок.

– Живут же люди как люди! – пробормотал он с завистью, и отсчитал плату за проезд точно по счётчику, старательно не замечая недовольного лица водителя.

Таксисты без чаевых зарабатывают в два раза больше чем он, и всё равно им мало. Филл не признаёт укоренившуюся до скончания времён систему сверхплаты, пестующую в людях мелочную жадность. Водитель ударил по педали газа и шины прокрутились на месте, обдав Филла отвратительным запахом горелой резины. Он с удовлетворением улыбнулся возмущению таксиста, двинулся по чистому асфальту подъездной дороги и через пять шагов остановился. Какая удача! Метрах в двадцати впереди, за поворотом, замер синий «Мерседес», в просветах между сосен отлично виден прохаживающийся у машины человек в утеплённой полицейской куртке. Лейтенант Тимур Стоун из отдела по расследованию убийств! «Железный камень», как называют его в отделе, ожидает именно его, чтобы побеседовать под укрытием тридцатиметровых сосен. Так вот за кем придётся «разгрести»!

За год, истёкший со дня увольнения Филла Баркера из отдела, они виделись дважды, и привычное напряжение во взаимоотношениях сменилось ироничным миром. Сегодняшняя встреча могла стать началом возврата к прошлому. Так как она означала, что именно «железный» Стоун занимался делом Ричарда Боровского. Убийство раскрутить не удалось, и на место потерпевших неудачу полицейских приглашён Филл Баркер, бывший напарник Тимура Стоуна. Да, хорошей реакции ожидать не приходится. Чтобы добиться расположения Стоуна, от Баркера требуется ни много ни мало, как отказаться от приглашения сына убитого, Рене Боровского. Но как только Филл ступит на путь таких отказов, ему очень скоро придётся закрыть свою контору, вернуть лицензию и зарабатывать на хлеб расчисткой снега у загородных особняков. Ибо, кроме как проводить расследования, он больше ничего не умеет. Что же делать, если частного детектива приглашают обычно после того, как полиция признаёт свою несостоятельность. Полиции платит правительство, а частному сыщику надо иметь результат, чтобы получить чек.

Мороз стоит приличный, сосны потрескивают. Филл подправил кашне под воротником своего демисезонного драпового пальто. Стоуна мороз не трогает: кроме меховой куртки, на нем утеплённые сапоги-унты.

– В полиции тебя одевали получше, Баркер. Видно, разгрести наши следы не так уж доходно, – вместо приветствия сказал Стоун и закончил своей любимой фразой, – Тут тебе не Гонконг...

Такое начало говорит: появление Филла совсем подпортило настроение лейтенанту. Филл примирительно улыбнулся и протянул руку:

– Рад тебя видеть, Тимур, в прежнем благополучии. Я понимаю твоё возмущение. Но и ты пойми меня. Вам платят за любой исход расследования. Полицейский на службе как спортсмен на Олимпиаде: только бы принять участие, проявить перспективность. А я вынужден бороться за каждый цент, франк, марку.

За год Филлу удалось успешно справиться с несколькими делами, закрытыми полицией. Клиенты оказались недостаточно состоятельны, но он обрёл популярность. Стоун, конечно, знает об этом. И, будучи уверен, что провёл расследование по всем правилам уголовно-процессуального искусства, он в глубине души боится, что Филл Баркер найдёт убийцу Ричарда Боровского, и тем покажет своё над ним превосходство.

После определения исходных позиций они минуту постояли молча, разглядывая друг друга. Стоун достал две сигары, одну протянул Баркеру. Филл отказался и закурил сигарету «Президент», далеко не самого престижного сорта. Разница в потреблении утихомирит раненое самолюбие Стоуна. Филл прекрасно знает профессиональную хватку и дотошность Тимура: всё-таки проработали в одной команде почти десять лет. За эти-то качества Тимур Стоун и получил прозвище «железный камень». Стоун возвращается от Рене Боровского, принеся ему извинения-сожаления, что для Тимура хуже зубной боли. Отсюда следует: дело из ряда безнадёжных. И, скорее всего, Филлу тоже не светит выигрыш. Так что хорошо, что они встретились вот так, в конце-начале расследований. Филл решил высказать свои мысли:

– К сожалению, я не знал, что делом занимался ты. Иначе бы сразу отказался. Так что... А теперь придётся что-то изобразить, нельзя вечером одно, утром другое. Да и люди настроены, им нелегко.

Стоун успокоился, помягчел. Репутация лучшего в отделе инспектора льстит ему, он болезненно реагирует на любую попытку принизить репутацию.

– Ты меня знаешь, – тенорок Стоуна вернул обычную звонкость, – Мы месяц сидели в замке полной бригадой. Всё перевернули. Ни следа! Ни одного приличного подозреваемого. Ты же знаешь, у каждого из нас хоть раз в жизни случается такое... Принципиально не раскрываемое дело. У всех алиби, улики никаких, мотивы отсутствуют. Тут тебе не Гонконг!

Они обменялись ещё несколькими фразами. Прощание получилось теплее встречи, и Филл смог договориться о визите завтра в отдел. Мерседес плавно выкатил на шоссе, и Филл ускоренным шагом заторопился по дороге, прорубленной туннелем в массиве тёмного соснового золота. Подъездная дорога вывела к левому углу фамильного особняка Боровских.

* * *

По традиции величаемое замком, двухэтажное здание выглядит внушительно. Ограды нет, хозяин заменил её чем-то иным, более соответствующим техническому уровню эпохи и своему положению. Архитектурные признаки средневековья отсутствуют, и только высота этажей говорит о древности постройки. Да ещё, пожалуй, крупный красный кирпич кладки, не прикрытый штукатуркой, склеенный белыми прожилками неразрушаемого белково-цементного раствора.

С обеих сторон подъезда встречают два мраморных льва, миролюбиво опустив морды на передние лапы. По фронтому тянется надпись, выложенная белым кирпичом: «Елена». Замок имеет собственное имя. Первый этаж фасада глухой, на втором три окна, забранные стальными решётками. Под центральным окном, над дверью, висят два дворянских герба. Странная причуда по нынешним временам, и может многое сказать о хозяевах. Правый герб изображает зелёный щит, украшенный двумя скрещёнными стрелами; левый, в форме жёлтого квадрата, включает в себе поднявшегося на задние лапы коричневого медведя. На рассмотрение деталей образцов геральдики Филл не стал тратить время: мороз торопил.

Поднялся по занесённым снегом ступенькам – всю ночь мела позёмка – со следами сапог Стоуна, дёрнул за толстый серый шнур с красным махровым помпоном на конце, висящий справа от двери. Не услышав звонка, дёрнул ещё раз, но дверь уже открывалась. Филл вошёл внутрь и оказался в громадном холле с потолком семиметровой высоты. В центре холла стоит человек могучего телосложения с квадратным мужественным лицом, в прекрасно сшитом чёр-

ном костюме. Осанка, выражение лица не оставляют сомнений: хозяин. Близко посаженные глаза пробежали по фигуре Баркера сверху вниз, веки чуть дрогнули. «Встречает по одежке», понял Филл, и в который раз дал себе зарок купить новый костюм. Сразу же, как только появятся деньги. А до того придётся-таки натянуть старую полицейскую форму, только без знаков отличия. И, чтобы не слишком затягивать первое неблагоприятное впечатление хозяина от гостя, он представился:

– Филл Баркер. Частный детектив. Если вы ещё не раздумали, к вашим услугам.

– Да... Конечно..., – хозяин понял, что гость прочитал по его лицу мнение о себе, и ещё крепче сжал и без того тонкие губы, – Рене Боровский. Вас пригласили по моему выбору. Проходите, прошу.

Он повернулся кругом и направился к двери из волнистого непрозрачного стекла. Филл заторопился было следом, но невольно замедлил шаг; внутреннее убранство заставило уделить ему хоть немного времени.

Подобного холла ему не приходилось видеть. С центра расписанного библейскими сюжетами потолка свисает многоярусная люстра. Её обильный свет льется по левой стене, увешанной множеством живописных полотен в золочёных тяжёлых рамах. Несомненно, все подлинники. Стена заслуживает быть частью любого музея. Вид справа поражает не меньше: за прозрачной перегородкой раскинулся настоящий райский уголок. Пальмы, лианы, цветы... И небольшое озерко с впадающим в него ручейком в обрамлении цветной гальки и разбросанных в беспорядке крупных булыжников. В воде резвятся рыбки, среди цветущей зелени порхают разномастные попугайчики и маленькие цветные птички.

Пройти мимо и не замедлить движение мог только один из известных Филлу людей: Тимур Стоун. Внутри Филла Баркера железа и камня много меньше. Наконец Филл оторвался от лицезрения кусочка земного рая, скользнул взглядом по картинам слева, и увидел, что Рене Боровский терпеливо ждёт у стеклянной двери, спокойными глазами наблюдая за поведением детектива. Его крупная широкоплечая фигура идеально вписывается в окружающее великолепие. Смущённо извинившись, Филл прошёл за Рене в следующее помещение, оказавшееся десятиметровой ширины коридором, тянущимся справа до внешней левой стены замка. Ещё четыре двери ведут из коридора в другие помещения первого этажа; рядом с дверью из холла винтовая лестница на второй этаж. Правая дверь коридора, заключил Филл – вход в зимний сад. Назначение остальных предстоит узнать.

Вдоль стен коридора на паркетном полу мерцают огнями и светят экранами игровые автоматы разных размеров и модификаций: от «одноруких бандитов» до оснащённых компьютерами имитаторов иных реальностей. Выше автоматов в один ряд протянулись портреты одинаковых размеров; женщины и мужчины, некоторые очень похожи на Рене. Пантеон предков, догадался Филл. Один такой портрет может стоить его годового жалования. Что же делается во внутренних помещениях! Но даже мешки долларов не могут защитить от преждевременной гибели. В этом вопросе и бедняк, и богач одинаково слабы и абсолютно равны. А все остальные вопросы, если разобраться, не стоят и гроша.

– С чего начнём? – спросил Боровский, прервав внутренний философский экзерсис детектива.

– Так что... Думаю, с места происхождения, – ответил Филл.

– Тогда прошу. Каминная зала – в конце коридора, с правой стороны.

Они прошли меж двух рядов зовущих игровых автоматов и любопытствующих лиц предков их владельца. Вход в каминную залу, где был загадочно убит бывший хозяин замка Ричард Боровский, строители сделали в двух метрах от правой стены помещения. Дубовая дверь отворилась наружу, Рене пропустил Филла вперёд.

Только после осмотра других комнат у Баркера сложилось окончательное впечатление о каминной зале. Её убранство соответствует уходящему из обихода понятию «замок». Вдоль правой стены – обтянутые чёрной грубой кожей диваны; над диванами – гобелен с батальной рукопашной сценой; перед ними – тяжёлый дубовый стол с щелями между досок. Левую стену закрывают ковры с висящими на них мушкетами, ружьями, шпагами и саблями. Слева от двери большой камин без решётки, в изразцовом окаймлении.

Наиболее любопытной показалась стена напротив, разделённая на три части. Левая треть являет собой коллекцию вин: полки с бутылками разной конфигурации тянутся от пола до потолка; справа на таких же полках за стеклом красуется фарфор. Срединную треть украшает портрет молодого стройного лучника в полный рост. Лучник изображен на лесной поляне, поросшей тёмной травой и алыми цветами. Портрет притягивает не столько размерами, сколько впечатлением жизненной силы, исходящей от охотника, одетого в ярко-алый камзол, тёмно-красные также замшевые штаны, коричневые сафьяновые сапоги. В левой руке плавно изогнутая дуга лука; правая только что вытянула из колчана за спиной стрелу. В колчане ещё две стрелы с цветным оперением. Камзол прошит серебряными нитями, свитыми в непонятный узор.

Стрелок смотрит прямо в лицо Филлу. Прищуренные в явном напряжении, удлинённые, с сильно приподнятыми уголками глаза портрета живо и внимательно следят за Баркером, в каком бы месте комнаты он ни находился. Филлу знаком этот приём: зрачок рисуется точно посередине глазного яблока, и тогда возникает ощущение, что нарисованные глаза постоянно следят за тобой. Ни одного окна; попасть в залу можно только через дверь. Либо через каминную трубу; и то при условии владения ремеслом ведьмы либо привидения. Наличие последних не исключалось, если учитывать неуспех «железного камня».

– Причуда деда. Да, конечно, и отца... Это помещение сохраняется в неизменном виде, – Рене Боровский потёр крупными руками маленькие уши, спрятанные в уложенной волнами причёске, – Подобных традиций в нашем роду много. Ностальгия по старине, что ли...

– Простите, это произошло здесь? – Филл указал рукой на участок ковра перед камином.

– Да, конечно. Мы здесь нашли его. Он лежал ничком, лицом к камину, рана в спине под левой лопаткой.

Филл подошёл поближе, повернувшись спиной к портрету, созданному несомненно талантливым мастером. Видимо, за весь месяц, кроме полицейских сюда никто не заходил. Ещё сохранился меловой контур лежащего тела, темнеет пятно засохшей крови. И без обращения к материалам дела можно уверенно реконструировать внешние моменты происшествия.

Все в доме видели, как Ричард Боровский вошёл в каминную залу, закрыл за собой дверь. Через какое-то время в коридоре слышали шум упавшего тела. Впрочем, то, что звук относился именно к падению тела хозяина, выяснили позже. Когда забеспокоились отсутствием хозяина сверх регламента. Войдя, застали его мёртвым. Орудие убийства не обнаружено. В каминной зале, естественно, никого не могло быть в тот момент. Понятно, что загородный дом не для приёмов, а для семейного отдыха. И чужих в доме не было. Стоун, без сомнения, воспроизвёл происшедшее и обстановку в мельчайших деталях, нет необходимости заново вести расспросы членов семьи и слуг. Завтра он посмотрит досье в полиции.

– Вы обратили внимание в холле... Коллекционирование живописи семейное хобби, – чётко обрезанный твёрдый подбородок Рене то замирал, то двигался; видно, что наследник убитого заставляет себя говорить, – Если собрать всё, что в остальных комнатах, получится солидная галерея. Имеются и другие ценности. Отец придавал безопасности большое значение. Решётки, двери, замки – их невозможно взломать без взрывчатки. Плюс охранный сигнализация, выведенная на полицейское управление, замкнутая на компьютер. Датчики и видеоглазки всюду, компьютерная программа создана отцом, усовершенствована мной, она уникальна.

Главный компьютер – он сейчас в моей комнате – держит в поле зрения все двери, окна, подходы к дому в поле непрерывного внимания. Всё выходящее за пределы обычности записывается в электронную память и на лазерные диски. При необходимости компьютер известит всех членов семьи и сообщит в полицию. Незамеченным пройти в дом невозможно, спрятаться нигде. И тем не менее, отец убит. В день семейного праздника в комнате, не имеющей ни окон, ни выходов...

– Если не возражаете, осмотрим остальные помещения, – сказал Филл, вытащил пачку «Президента», снова спрятал в карман пальто; скрытое волнение Рене передалось и ему, – Затем я вернусь сюда. А уже потом обсудим...

Боровский согласно кивнул, и они вышли в коридор. Напротив каминной залы комнаты для слуг; за внутренней стеной каминной залы столовая. Из столовой они прошли на кухню, уставленную невероятным количеством кухонной автоматики. Из кухни можно пройти в подсобные помещения и холодильную камеру; здесь же чёрный ход, не открывавшийся десятилетиями.

Планировка второго этажа повторяет расположение помещений на первом. Такой же коридор делит этаж пополам. Над каминной залой кабинет и комната Ричарда Боровского; напротив через коридор, над комнатами слуг, кабинет деда, Джеймса Боровского. Смежная с кабинетом Ричарда комната Рене, под ней столовая; напротив, над холлом, апартаменты сестры Рене Моника. Правая часть, над зимним садом и кухней, отдана пустующим комнатам для гостей. Просторно. В каждом помещении душевые, ванны, туалетные комнатки. Холодильники, кондиционеры, компьютеры, стационарные видеотелефоны всюду. Современная мебель: в каждой комнате свой стиль. И картины, картины, картины. Известных, а больше неизвестных Филлу Баркеру авторов.

– Для отца главным в жизни было дело, бизнес. Моя мать оставила нас рано. Неизлечимая болезнь, – они остановились у кабинета Ричарда, – Он бывал здесь редко, жил больше в городском доме или в офисе. Мой кабинет и жилая комната, и филиал офиса. Задерживаться на рабочем месте сейчас не время. У меня своя семья, надо считаться со сложившимся положением...

– Я пока не знаю, с чего начинать, – признался Филл, – Так что... Завтра познакомлюсь с полицейским досье. Будет ли у меня возможность побеседовать с членами семьи?

Рене понял вопрос как согласие детектива взяться за расследование. Его взгляд говорит: он благодарен; у него нет иного выхода; и он убеждён в бесполезности нового расследования. Что может один человек с отрешёнными, задумчивыми глазами в более чем скромном одеянии после целой бригады профессиональных сыщиков? Филл видит себя его глазами: среднего роста, без признаков атлетического развития, лицо невыразительное, удлинённое, с острым подбородком, полные бледные губы. Ни мужественности, ни женственности. Рядом со Стоуном выглядит как золушка возле принцессы. Филл прикрыл глаза от недовольства собой.

– В течение двух-трёх дней встретитесь со всеми. Полиция занималась делом месяц... Нас немного. Старая экономка, Энн-Лилян – вы видели её на кухне – она помнит и деда Джеймса. Я не стал её беспокоить, она никак не придёт в себя. Кроме неё, нас ещё пятеро. Было пятеро. Теперь четверо. Сестра Моника увлечена делом, возвращается из офиса поздно. Моя жена Грета... Она с детьми, будет вечером. Нашей дочери три года, сыну пять. Они зимой в пансионате, и едва ли вам понадобятся. Кроме детей, все мы были здесь в тот день. Только мы, никого чужих.

Они спустились по крутой лестнице на первый этаж и Рене завершил ознакомительную беседу:

– Осмотритесь. Действуйте по своему усмотрению. Компьютер уже знает вас. Если что-то понадобится, я в кабинете.

Он наклонил голову, серые глаза показали то ли растерянность, то ли беспокойство. Филл подождал, пока хозяин замка тяжёлыми твёрдыми шагами поднялся по лестнице, и направился в каминную залу. Ничего нового обнаружить он не надеялся; требовалось обдумать собственную позицию, а в подобных условиях самое лучшее место для размышлений то, где случилось происшествие. За месяц полицейская команда Стоуна успешно устранила те мелочи, которые не были ими замечены. Браться за дело после них всегда на грани авантюры.

Едва он дотронулся до серебряной головы льва – дверной ручки каминной залы – как отворилась дверь, ведущая в комнаты для прислуги, и в коридор вышла Энн-Лилиан, экономка Боровских. Её опущенная голова, да и вся маленькая сухонькая фигурка выражали полное равнодушие к очередному следователю, взявшемуся за разгадку тайны смерти её хозяина. Филл решил поговорить со старой женщиной; громадный особняк казался пустыней и встретить человека здесь являлось таким же везением, как натолкнуться на оазис среди песков.

– Простите, но в вашем доме столько всякой техники и автоматов, я почти растерялся. Хозяину некогда, может быть, вы мне поможете?

Пучок седых волос, перетянутый сиреневой ленточкой, поднялся и Филл увидел выцветшие, когда-то синие глаза. И понял, что попал в точку: единственная из слуг живущая в доме, старая экономка не переносила кухонную автоматизацию. Он это заметил ещё при осмотре кухни. Её вынужденное одиночество да принижение автоматами значимости и самостоятельности, свойственной слугам, посвятившим жизнь одной семье, делили людей на две группы, чужих и своих. Ответ экономки уверил: он вошёл в малый круг своих.

– Вы первый, кто понял меня. Покойный хозяин, извините, просто помешался на машинах. Даже здесь... А мне приходится ежедневно проходить мимо дьявольских порождений, – она с ненавистью оглядела игральные автоматы, – Мало того, он собирался заказать роботов в человеческом облики. На место слуг... Скоро старой Энн-Лилиан совсем не будет места в доме. Ведь Рене весь в Ричарда.

Она поправила белый фартук, надетый поверх голубого в горошек платья. Филлу оставалось слушать, поскольку сам способствовал взрыву откровения. Старушке требовалось освободиться от переполняющего её возмущения теперешней жизнью.

– Эта страсть и погубила Ричарда! Сколько раз я ему говорила: «Зачем вам столько машин? Почему вы не наймёте слуг? Ведь в доме будет больше жизни». Да разве меня кто слушает здесь...

– Я сразу увидел, как вам не просто тут. Так что... Я бы не смог, хоть и видел в своей жизни всякое, – сочувственно заметил Филл, наблюдая за оживившимся морщинистым лицом, – А тут ещё непонятная смерть хозяина. У меня голова кругом идёт, не знаю, с чего и начать.

Энн-Лилиан внимательно глянула на него, поняла, что говорит он искренне, и решила продолжить прерванный монолог:

– Вы ещё молоды, чтобы всё понять. Хоть и занимаетесь такими делами. Я вам скажу просто: рок преследует Боровских. Вот так же погиб Джеймс. Отец Ричарда. Тоже ничего не нашли. Сердцем надо искать, а не приборами.

С долей удовлетворения восприняв замечание о бессердечности в адрес полиции, Филл спросил удивлённо:

– Так что... Это не первая смерть в доме?

– Нет. Кто знает, сколько здесь было пролито крови. А началось кровопролитие во времена барона Ленарда, да простит его Бог.

– Барона Ленарда?

– Прапрадед Рене. Разгульный был господин.

– Вы хотите сказать, что ниточка тянется из столь далёкого прошлого? – Филл начал сомневаться в крепости рассудка экономки; засилье автоматике, старость, смерть – всё разом

не могло не отразиться на одинокой женщине, – Что же такое сделал барон Ленард, что навлѣк проклятие на дальних потомков?

– Ничего я не хочу сказать! – заворчала Энн-Лилиан, – А что было, то было. Поссорился барон со своим соседом графом. Насмерть обидел того. Не знаю уж, из-за чего у них спор вышел, да только тянется, как вы говорите, и сейчас.

– Так поместье того графа неподалѣку?

– Где уж поместье... На том месте прадед Рене посадил сад. Который год за садом никто не смотрит, одичал совсем. Ведь земли графа перешли к нам. Говорят, что на том портрете, – она махнула коричневой ручкой в сторону каминной залы, – то ли сам граф, то ли кто другой из его рода. Вы видели, какие у него глаза? Бешеные глаза. Из-за них я и не захожу в каминную залу, пусть всё пылью там покроется. Рене привезѣт роботов, пусть они...

Старушка погладила фартук, пожевала сухими тонкими губами и продолжила:

– А тут ещё Рене женился на... И где он её только нашѣл? Шестой год никак не привыкну.

– Грета? – вспомнил Филл имя жены Рене Боровского, – К чему вы не можете привыкнуть? – ему захотелось спросить, почему портрет из рода врагов Боровских висит на почѣтном месте, но решил отложить вопрос.

– Увидите ещё! И характер у неё добрый, и всем вышла. А глаза такие же бешеные, как у того портрета. Я же говорю: злой рок!

Не зная, как закончить грозивший затянуться разговор, Филл потянул за львиную голову и приоткрыл дверь каминной залы.

– Если я и захожу сюда, – продолжала Энн-Лилиан, – Так только на шаг, и не смотрю на портрет. Календарь там... Единственное, чему можно доверять, так это он.

Филл распахнул дверь настежь, старушка повернулась и пошла к столовой, шепча на ходу:

– Плохое место, очень плохое. Неспроста всё, неспроста...

Филл сочувственно усмехнулся. В самом деле, во всѣм доме от милой сердцу старины сохранилась одно лишь помещение, а её там охватывает страх. Не сладко заканчивается жизнь старой экономки.

* * *

Прикрыв за собой дверь, он осмотрелся, чтобы вжиться в атмосферу загадочной смерти, представить случившееся здесь. Без такой мысленной реконструкции ничего не выйдет. Но не получалось. Можно понять бессильное раздражение Тимура Стоуна, потратившего месяц и не сделавшего ни одного продуктивного шага. Подошѣл к календарю слева от двери и принялся за его изучение. Чем он привлѣк экономку? Конечно же, своей неизменностью, почти вечностью. Календарь состоял из тридцати одного листа, по дням месяцев. Все цифры выведены чѣрной краской, лишь одна – завершающая – светит красным. И что за прихоть – выделить последний день месяца, да и то не каждого? Материал холст, пропитанный неким составом серого цвета, затвердевший от времени. На каждом листе по две маленькие прорези для вкладышей, обозначающих год и месяц. Кто-то следит за календарѣм: над чѣрной цифрой «1» справа укреплен табличка с надписью «декабрь», слева – цифры года. Если это не экономка, то сам Рене, принявший от отца эстафету больших и малых дел.

«А держится он хорошо, – вспомнив крепкую фигуру Рене, отметил Филл, – Месяц не такой уж большой срок, чтобы полностью перестроиться. Дела, быт, психика... Потеря главы семьи и организатора бизнеса в расцвете лет всегда мучительна, независимо от чувств».

Размышления остановил взгляд, упѣршийся в затылок, давящий вполне ощутимо. Филл медленно повернулся кругом и встретился с глазами портрета. Вот тебе и старушка, смогла всё-таки повлиять на его подсознание своей болтовней; впрочем, ничего удивительного в этом нет,

уж очень реалистично выполнена картина. Мастерски сделанные копии живых людей способны излучать нечто такое, чему нет пока соответствующего названия. Экспрессия в портрете такая, что кажется, будто в нём происходят изменения. Но ведь как стоял, так и стоит! Разве что прищур голубых удлинённых глаз, с заметно приподнятыми уголками, сделался острее. Те же две стрелы в колчане, одна в правой руке; кисти рук напряжены. Кажется: вот-вот правая рука поднимет стрелу, левая вытянет лук вперёд, и тетива изогнёт дугу лука в беспощадном усилии. В кого полетит стрела? Кто был его смертным врагом?

Что за художник поработал!? Картине, судя по состоянию холста и рамы, около ста лет. Талант высочайшей пробы, забытый, неизвестный теперь. Сколько таких дарований кануло в Лету, оставив после себя редкие свидетельства гениального владения мастерством. Дыхание жизни исходит от прямоугольника холста. Филл подошёл ближе. В двух местах, около правой руки и плеча, свежая краска. Признак недавней реставрации. За портретом следит рука почти столь же талантливая, как рука его автора.

Знакомое чувство потянуло ближе к охотнику. Чувство, изредка приходившее при расследованиях ещё в полицейском прошлом. Подойдя вплотную, он провёл руками над холстом сверху вниз и ощутил сильное энергетическое поле, сравнимое с излучением, исходящим от живого человека. Поле тёмное, ощутимо отталкивающее... И тут же в поле зрения проявилась знакомая светло-голубая дымка. «Завеса тайны» – так он называл её про себя.

Теперь можно быть уверенным: от этого дела он не откажется! Мало того, никакая сила не оторвёт от предстоящего расследования. Запах мистической тайны... Та самая особенность его психики, из-за которой он вынужден бросить службу в полиции. Там, где мистика, не действуют законы формального мышления. А разве можно представить доклад о раскрытии преступления, не основанный на механизме логики?! Вот почему железный Стоун ничего не смог здесь сделать! Придётся Филлу Баркеру ещё раз доказать действенность собственного подхода и тем расширить пропасть между собой и ребятами из отдела.

Пусть будет «рок», как говорит Энн-Лилиан. А старушка молодец, уловила излучение портрета. Не случайно она боится заходить в каминную залу. Жизнь, проведённая в стенах замка, отточила восприятие. Но любой рок, злой или добрый, реализуется через действия людей. И он их найдёт!

3 декабря. 10.00 – 12.00

Перед началом запутанного, тяжёлого дела – свободный день. Личная традиция. Одна из тех, что мешали ему в отношениях с начальством. Главными в отделе считаются напор, непрерывное копание в деталях. И доклады. Ежедневно, через три часа, через... Подумать некогда о том, чем занимаешься. Как в таких условиях удаётся раскрывать тяжкие, продуманные преступником до мелочей акции – просто удивительно. Ведь вся главная работа в голове, и проходит за кадром. Где-то там, в так называемом подсознании.

Пребывание в каминной зале рядом с портретом убедило, что причина гибели Ричарда Боровского рядом, в самом замке, а не за его стенами. Зло, или рок, таится именно тут! Может быть, чердак. Может быть, каминная труба, как это ни невероятно. Или чудом сохранившийся подземный ход, или тайное хранилище в подвалах. Всё, что угодно, самое немыслимое, даже внерациональное. Именно потому-то споткнулся Стоун.

– Я берусь за это дело, – сказал Филл Рене Боровскому перед уходом, – Есть надежда, что я его распутая. Одно условие: отнеситесь спокойно к моим методам и заключениям, несмотря на их возможную внешнюю нелепость. Ибо сама гибель вашего отца нелепа и невероятна. Преступник не оставил никакого следа там, где незамеченной и муха не пролетит. Полиция оказалась бессильна, что вполне объяснимо. Будьте готовы к неожиданностям. Если вы согласны, через день я приступаю к работе...

Наследник почти минуту поочерёдно изучал клавиатуру и экран компьютера. Затем перевёл взгляд на лицо Филла и столько же, не моргая, смотрел на него. И коротко сказал:

– Я согласен.

Нечто колдовское струится от стен кабинета, похожего на залу картинной галереи, от его хозяина, проводящего полжизни в мире компьютерных программ и создаваемых ими виртуальных пространств. Наверняка Рене Боровский пытался разобраться в происшедшем с помощью компьютера, моделировал случившееся. Но действительность оказалась сложнее и запутаннее мнимых миров.

* * *

А вот Тимур Стоун, сидящий за своим столом, отделённым от остальных стеклянной перегородкой, выглядит абсолютно спокойным. Получил повышение, несмотря на заваленное расследование. Его, Стоуна, не интересуют компьютерные миры и мистические, неосязаемые реалии.

– Присядь, Филл, отдохни. Торопиться тебе некуда. Как бы быстро ты ни бежал, дальше меня ни на дюйм не продвинешься.

Филл мирно улыбнулся, стараясь не нарушить сложившегося в предыдущую встречу взаиморасположения:

– Я бы возразил, Тимур, если б не знал тебя столько лет. Но пойми: меня наняли, и я должен изобразить что-то такое, стоящее некоей суммы...

– Старина, ради всего доброго. Прошло время, забудем всё плохое, наши разногласия. А твои причуды... Теперь ты на них имеешь полное право. Можешь доказать богатенькому Буратино, что виновником смерти его отца было привидение, живущее в камине. Только досъе-то из этого не склеишь. А для гонорара можно, я готов даже поставить подпись под твоим заключением. Но что дела!? Как живёшь-то? По-прежнему один, или...

– По-прежнему. Видимо, семья и дети не моя стихия. Я не принадлежу, как ты, к разряду удачливых и благополучных натур.

Стоун бережно пригладил руками модельную причёску: волосок к волоску, пробор... Когда он успевает?

– Я проверил досконально на алиби и мотивы всех. Находившихся в доме особенно, – голос Стоуна звучит размеренно, он доволен собой и проделанной работой, – Сын с женой находились с убитым в отличных отношениях. Дочь Моника... Алиби. Удар страшный, в спину, а грудная кость проломлена. Кроме Рене, никто из них не способен на такой удар.

– А если в состоянии аффекта? – осторожно спросил Филл, – Ведь в таком состоянии человек способен на многое.

– Думал. Аффект оставляет следы. И в психике, и во внешнем. Проверили. Исключено, – задумчиво произнёс Стоун, – Из родных никто... Не член семьи только экономка. Она предана хозяину как собака. Родственников у неё нет. Из дома никуда не отлучается много лет. Собственно, замок и есть её дом. Исключается. Орудия преступления нет, в общем и целом, дело из разряда нераскрываемых. Бывают такие, знаешь ведь.

– Бывают, – согласился Филл, – Когда полиция не может отыскать след или ниточку.

– Ты опять за своё? Полиция... Посмотрим, как ты... Не понимаю, как я с тобой столько лет мучился?

– Ладно, ладно. А внешнее окружение как?

– Ты меня знаешь. Всё чисто. Врагов нет. Семейка прямо ангельская, никто и слова против. Это тебе не Гонконг.

– Неужели такое возможно?! Богатейшие люди, и без недоброжелателей? – удивился Филл.

– А тут нет! – почти вскричал Стоун, – В прошлом что-то было. Но тому более пятидесяти лет. Какая-то семейная вражда. Некие Андерсоны. Соседи. Но на уровне семейных преданий. В полицейских архивах ничего. От тех Андерсонов и следа не осталось.

– Ну да, компьютеров тогда не было, – заметил Филл, – Так что, докомпьютерное прошлое для нас всё равно что доисторическое. С этой точки зрения, согласен, дело бесперспективное, – он не стал уточнять, что имеет в виду, компьютеры или историю, – Дело вы уже прикрыли?

– Решение принято, – уже спокойно отозвался Стоун, – Ты сам сделаешь то же самое. Не забудь, позвони, вместе посмеёмся. Над нашей ограниченностью. Люди не ангелы.

Филл Баркер рассматривает через стекло перегородки два ряда столов, за которыми сидят бывшие сослуживцы. Вон и его стол, за монитором не видно лица сидящего. Филл никогда не пользовался компьютером. Звук сюда не доходит, но он знает, о чём они говорят. Приход Баркера событие в отделе. Они считают его отрицателем мирового полицейского опыта. А он просто утверждал его недостаточность. Внедрение компьютеров совсем их закомплексовало в рамках алгоритмов. Подсознание, озарение – ничего такого они не признают. И это несмотря на то, что Баркер держал стопроцентную раскрываемость. Будто им дороже не результат, а строгое бездумное соблюдение инструкций и правил. Будто правила ведения дел и компьютерные программы способны заменить свободное человеческое мышление. Смоделировали какую-то часть сознания, добились сверхскоростного решения элементарных операций – вот и все преимущества.

Последний год перед увольнением Баркер старался не вмешиваться в работу Стоуна, даже когда старшим назначали Филла. Иногда приходилось параллельно вести собственное расследование, чтобы докопаться до сути. И глазам комиссара являлось два досье с разными выводами. Одно основанное на чётких, профессионально отработанных формулировках, другое – на силе интуиции, противоречащей проверенной опытом правоте рассудка. Жизнь быстро подтверждала правоту Баркера, что приводило Стоуна в бешенство. Начальство к ошибкам Стоуна относилось снисходительно, продолжая считать его образцовым инспектором; Баркера в глаза хвалили, за глаза называли чудачком и не от мира сего. То есть человеком в отделе случайным. Вот и сейчас во взорах, направленных в его сторону, Филл читает насмешку. Карьеру в таких условиях не сделаешь, а всю жизнь ходить белой вороной не хотелось. И он принял решение уйти, о чём сейчас не жалеет.

Накопленные за годы службы деньги ушли на приобретение лицензии и открытие частной конторы по расследованию особо тяжких преступлений. Так что, в ожидании признания, Филл вынужден курить дешёвые сигареты, экономить на качестве виски, донашивать старую гражданскую форму. Его смехотворно низкой пенсии не хватает и на приличную рекламу; он не дослужил до приличествующей положению суммы каких-то пять лет.

Его постоянный напарник Тимур Стоун, в работе и службе приверженец установленного порядка и общепринятых предписаний, не понял мотивов ухода Филла из полиции. И совсем отдалился от него. Потому сейчас Филл сильно удивился, когда «железный коп» объявил о «подарочке». «Пусть бывший инспектор в глазах богатенького Буратино-Рене выглядит информированным и подготовленным; глядишь, добавит нулик в бумажке из пухленькой чековой книжки», – примерно так понял Тимура Филл.

– Вчера вечером комиссар дело закрыл. Ни улики, ни мотивов. Для таких досье особый шифр. Я всё загрузил в память компьютера, и полчаса назад должен был доложить о выполнении. Но, введи я особый шифр, никто не доберётся до материалов без особого разрешения. Пусть даже дело никому не интересно. Я подготовил чистую дискету, и если хочешь, немедленно скопирую все файлы.

«Молодец Тимур! – восхитился Филл, – На всякий случай делает себе запасный выход. А вдруг этот чудака-мистик что-нибудь раскопает? Будет возможность заявить: Баркер смог только потому, что Тимур Стоун выдал ему все материалы своего расследования, рискуя получить взыскание. Ведь и сам Стоун предвидел, имел в виду и всё такое...»

– Спасибо, я благодарен. Но ты же знаешь моё отношение к компьютерам. Так что, если можно, просто перелистай странички.

Стоун вывел информацию на экран монитора и принялся листать страницы дела, специально не задерживаясь ни на одной. Филл успел сосредоточиться, и его зрительная память загружалась не хуже винчестера, принимая в себя все данные до запятой. Попутно он оценивал, сопоставлял, искал неясности. Первое впечатление однозначно: следствие проведено как надо. И не вина Стоуна, что ничего не нашли.

– Тимур, в деле нет ничего по отцу убитого. Мы можем посмотреть в архиве?

– Пожалуйста, – Стоун вывел на экран второе окно, вернулся в операционную систему и запросил информацию о Джеймсе Боровском.

Экран высветил несколько строчек. Год рождения, смерти, состав семьи, род занятий. Причина смерти не значилась. Что означало: либо не проводилось расследования, либо оно исчезло в докомпьютерный период. Одно ясно: тридцать один год – не возраст для ухода из жизни здорового преуспевающего бизнесмена. Слова экономки Энн-Лилиан о роке, объединяющие две смерти в одну, не основание для расширения досье. И Филл Баркер промолчал.

* * *

С чего же начинать? Пожалуй, с окружения семьи Боровских. И только потом знакомство с сестрой и женой Рене. Исходя из акцентов досье, самым приближённым к семейным тайнам является Ефрем Слейтер, художник. Делает семейные портреты, расширяет галерею в коридоре замка «Елена». Писал портрет убитого, встречался с ним. Адреса Слейтера на экране Филл не увидел и попросил Стоуна помочь. Тот, усмехнувшись, застучал клавишами.

– Понимаю. И я прошёл через это. Была надежда. У Слейтера алиби. Дурных связей нет. Да и личность... Весь в творчестве. Такие не убивают предумышленно-продуманно, хитро. Или в порыве без раздумий и подготовки, или никак. Смотри.

На экране высветились адрес Слейтера, биографическая справка, несколько строк о привычках. Стоун с разочарованием вынул чистую дискету из дисковода и бросил её в ящик стола. Не понравилось ему, что Баркер не отказался от дела. И отверг помощь в той мере, какую предлагал ему Тимур. В сопровождении Тимура Филл прошёл между столами на выход, ещё раз поблагодарил его, попрощался. Но Стоун вышел с ним на улицу. День стоит ясно-солнечный, к серьёзным делам не располагающий. Такие дни предназначены для праздников. Твёрдое, уверенное лицо Стоуна, прикрытое чёрными очками, расцвело в улыбке.

– Филл, послушай моего совета. Ты меня знаешь. Закрывай свою контору. Хватит собирать мусор по нашим следам. Возвращайся. Комиссар недавно вспоминал о тебе. Ведь все гонорары потратишь на такси. Или купи велосипед. Зимой на велосипеде – это в твоём духе?

Он рассмеялся, махнул на прощание рукой и упругим шагом спортсмена скрылся за дверью с эмблемой полиции.

3 декабря. После 14.00

Художник Ефрем Слейтер занимает просторную двухэтажную квартиру в одном из домов привилегированного центра города: первый этаж жилой, на втором студия. Филл основательно продрог, пока художник услышал дверной звонок и спустился вниз. Образ Слейтера совпал с описанием Стоуна: длинноволосо-нестриженный, неделю не бритый, в клетчатой

рубашке с пятнами краски, джинсовые брюки с широким ковбойским ремнём-поясом. Вытянутое лицо, обрезанное прямым подбородком, светлые беспокойно бегающие глаза. Законченный классический портрет созревшего вундеркинда свободной профессии.

Без вопросов Слейтер пригласил внутрь и, так ничего и не сказав, устремился по деревянной лестнице наверх. Баркеру ничего не оставалось, как последовать за ним. Мастерская с окнами на одной стене; три другие увешаны картинами, эскизами. На полу листы бумаги, краски в тюбиках, ведра, тряпки. В одном из углов неопределимая по составу компонентов свалка. В центре помещения металлический станок с растянутым холстом. Замечательный, рабочий беспорядок – для Филла он предпочтительнее любой стерильно прибранной комнаты.

Слейтер взялся за кисть и остановился перед начатой картиной. Глаза его перестали бегать. Поняв, что без личной инициативы простоит здесь до вечера, Филл подошёл к художнику, кашлянул и представился:

– Филл Баркер. Частный детектив. Занимаюсь делом Боровских.

Рука с кистью замерла, художник резко повернулся и посмотрел Филлу прямо в глаза.

– У них что-то ещё случилось?

– Нет, нет. Я продолжаю то, что делала полиция. Ведь причина смерти Ричарда Боровского не выяснена.

– Вот оно что, – протянул Слейтер, окончательно спустившись с высот вдохновения, – Но со мной полиция уже беседовала. Я ничего не смогу добавить. Или вы не в курсе? Тогда я готов повторить.

– Нет, не надо, – Филл посмотрел на холст, на котором угадывалось женское лицо, – Вы не подозреваемый. И можете ничего не говорить. Просто хотел уточнить некоторые детали. Мне думается, вы ближе всех к семье Боровских. И бываете в замке...

– А, вот в чём дело! Вы надеетесь, я вспомню что-то такое... Едва-ли. Что касается близости, – он указал кистью на холст, – Портрет Греты, жены Рене. Настоящего хозяина замка «Елена». И ещё, на мне ответственность за портрет графа Патрика Андерсона.

– Что? – воскликнул Филл, вспомнив свежую краску на портрете в каминной зале, – Ответственность? Как это понять?

– А... Да. Откуда вам знать? И полиция не задавала об этом вопросов.

– Вы не расскажете подробнее? О своей ответственности и самом портрете?

Филл смотрит на Ефрема Слейтера сквозь голубую завесу-кисею. Признак близости тайны... И как раз там, где, по утверждению Стоуна, всё чисто.

– Да... Мне пора отдохнуть. Интересная история. Для вашего расследования значения не имеет, но любопытна сама по себе, – он сунул кисть в банку с тёмной жидкостью, – На тот портрет завязана история сразу трёх семей. С двумя вы так или иначе знакомы. Третья моя. Вы угадали, я ближе других к Боровским. Ещё пять-шесть поколений назад... А то и больше. Вот откуда всё идёт.

«Вот откуда тянется ниточка», – прозвучало в голове Филла. Он почти явственно ощутил её в пальцах, тоненькую, сотканную из голубоватой паутины. Три семьи... Между ними какие-то отношения, берущие начало в прошлом. В прошлом! Там, куда отказался заглянуть Тимур Стоун и его многоопытная команда. Непонятно как, неясно почему, но нить тянется из прошлого. И оно, прошлое, представлено в настоящем каким-то конкретным человеком. Требуется раскрутить Слейтера полностью, выжать его до сухого остатка! Вычерпать до дна! Если преступник не он, что скорее всего, но мог ведь оказаться невольным пособником.

– Вы виделись с Рене, детектив? Прапрадед Ричарда Боровского барон. Очень богатый дворянин по тем временам. Рене копия своего отца. Отец похож на деда... Они похожи друг на друга, вплоть до барона Ленарда. Все крепко сложены, сильны телом и характером.

Филл вспомнил квадратное лицо Рене, с маленькими ушами, твёрдым массивным подбородком, крепко сжатыми тонкими губами. Действительно, сгусток твердости.

– Барон Ленард с детства дружил с соседом, графом Патриком Андерсоном. Они были примерно одних лет. Родовой замок и поместье Андерсонов располагались южнее замка «Елена». Там, где запущенный плодовый сад, принадлежащий Боровским, – продолжал Слейтер, усевшись на грязном полу, – До совершеннолетия они были дружны. А затем между ними пробежала чёрная кошка, они сделались смертельными врагами. Из-за чего, я не знаю. В ходе истории род Андерсонов рассеялся, не оставив мужских корней, а род Боровских продолжал благоденствовать, от поколения к поколению увеличивая своё состояние. Боюсь, что новоиспечённый хозяин господин Рене не знает истинных размеров унаследованного богатства. Никто его не знает, даже налоговая инспекция. Несчастный Ричард был великим специалистом в компьютерной технологии, умел прятать концы. Так говорил мой отец. Да, да... Обязанность быть близким семье Боровских досталась мне от отца. Обязанность несложная: ежегодно в один из дней от меня требуется осмотреть портрет графа Патрика Андерсона в каминной зале и при необходимости устранить следы естественного старения. Картины стареют, как и люди.

– Каким же образом портрет врага барона Ленарда оказался столь желанным в его родном замке? И такая забота... Как-то не вяжется. И почему замок называется «Елена»?

– Для меня тоже не всё ясно. В том числе с названием. Я как-то не задумывался над этим. Дело в том, что мой прадед, тоже художник – эта профессия у нас наследственная – состоял на службе у графа Андерсона. И не только служил ему, но и был близок. Он-то и нарисовал этот портрет накануне кончины графа Патрика. И тем предопределил связь своих потомков сначала с семьёй Андерсонов, затем – Боровских. Но я на него не в обиде, за несколько минут работы получаю довольно солидную сумму.

– Итак, ваш прадед был художником при дворе графа Патрика. Придворным художником. Кажется, это так называлось?

– Примерно. Но он был не только художником, имел много талантов. За что бы он ни брался, всё у него получалось. И с причудами был прадед. Для каждой картины готовил краски отдельно. Сам. Сам растирал, сам компоновал. Всё сам. И кисти сам делал всякий раз заново. Представляете, какой труд?

– А для портрета графа Патрика тоже отдельные краски?

– Конечно! Ящичек с красками и кистями для портрета мне достался по наследству. Раз в год, тридцатого октября, я беру его с собой и отправляюсь в замок Ричарда Боровского, чтобы нанести на картину несколько мазков. У них тридцать первого октября семейный праздник; обновление картины, – один из обязательных ритуалов.

– А вы не знаете, что это за праздник?

– Нет. Никогда не интересовался. Я не столь близок к ним, как мой прадед к своему патрону Патрику. Мне что? Пришёл, подправил руку или плечо, получил чек. Работа есть работа. В этом году заглядывал в замок несколько раз: делал эскизы для портрета Греты, жены Рене. Прадед, вот тот на моём месте поинтересовался бы, он чем только не занимался: от живописи до магии и колдовства. О нём в нашей семье много рассказывали чудесных историй. Конечно, в основном выдумки. Целую книжку можно издать, бестселлер получится. Всё сразу и не вспомнить. Талантливая личность...

– Согласен, ваш предок исключительный мастер, – сказал Филл, – Портрет в каминной зале меня сразу привлёк. Движение, экспрессия. Так и кажется, что стрела в руке вот-вот ляжет на тетиву. А за ней и две другие из колчана.

– Да... Конечно, – протянул задумчиво погружённый в воспоминания Слейтер и встрепенулся, – Что вы сказали? Две стрелы? Вы ошиблись, в колчане три стрелы. Всего, – четыре. Вы детектив, но не художник, потому можете ошибиться в деталях. А характер графа по портрету вы определили абсолютно верно. Для него выпустить стрелу по живой мишени являлось высшим удовольствием.

Ефрем Слейтер так уверенно сказал о трёх стрелах в колчане, что Филл засомневался. Наверное, он и на самом деле ошибся. Такое бывает с каждым. Не стоит спорить по такому поводу. Надо послушать, гибель Ричарда Боровского явно связана с художником. Он не так прост, как кажется. Времена такие, что каждый второй в повседневной жизни делается рано или поздно актёром.

– Видите-ли, я ежегодно люблюсь портретом. Мне такой не создать. У прадеда был какой-то магический секрет. Кстати, сохранился эскиз картины. Я его не видел, но отец говорил. В ящике с другими реликвиями. Людям нравится беречь бесполезные отжившие вещи, цепляться за прошлое. Будто прошлое лучше настоящего и будущего.

– А мы можем взглянуть на эскиз? Если такое не затруднительно?

– Отчего же. Всё равно мой настрой на работу поломался. Этот ящик где-то тут, но я к нему не прикасался.

Баркер посмотрел в угол с хламом.

– Нет, не там. Рядом с кухней чуланчик, там всякие ненужные вещи. Пойдёмте, я вас угощу кофе. Или чем ещё... Совсем забыл о правилах гостеприимства, извините. Со мной бывает.

На первом этаже, рядом со входом в кухню-столовую, Слейтер отворил дверь в тёмную неосвещённую комнатку и принялся выбрасывать оттуда рубашки, брюки, ещё какие-то тряпки в цветных красочных пятнах. Баркер понял: семейное положение у них одинаковое, художник меняет одежду старую на новую, а не реставрирует ношеное. Эта подробность быта, добавленная к удобному беспорядку в студии, внутренне расположила, приблизила Филла к художнику, и он засомневался в истинности своих неясных ощущений.

Только через пять минут хозяину удалось добраться до деревянного сундука; они вдвоём с трудом выволокли его наружу. Не потрудившись убрать толстый слой пыли, от которой Баркер готовился зачихать, Слейтер поднял крышку сундука. Содержимое его могло принадлежать и художнику, и алхимику, и колдуну, и знахарю. Набор склянок с эликсирами – а с чем же ещё? – с загадочными значками на этикетках. Свёртки с истлевшими лягушачьими лапками, связки почерневших кореньев. Пачки листов пергамента, размером в медицинские рецепты. Голубая дымка, завеса тайны, как-то относящейся к происшествию в замке «Елена», окутывала сундук. Филл протянул ладони: их коснулось давление скрытой энергии, сродни той, что излучается портретом давно погибшего графа Патрика.

Наконец Слейтер добрался до туго скатанного рулона, развернул на полу. Эскизы и копии картин, не увидевших зрителя. Вот и бледный эскизный вариант шедевра каминной залы. Тут граф спокоен, почти весел, смотрит без острого прищура. Молод, строен, красив. В колчане шесть стрел. Правая рука свободно опущена.

– Совсем другой человек, – прошептал Филл, боясь спугнуть зашевелившееся в сознании предположение понимания, – Добрый и симпатичный.

– Да, – согласился Слейтер, – И краски прадед использовал другие. Почти нет тревожно-красного, нет и контраста с зелёным. Отсюда иное настроение.

– Почему же он изменил замысел? – спросил Баркер, невольно увлечённый столетней историей, – Этот вариант, кажется мне, лучше.

– Мне тоже нравится, – отозвался правнук забытого потомками таланта, – Думаю, он действовал по желанию заказчика. Остаётся только гадать.

Обращение к семейной истории взволновало Ефрема Слейтера, он забыл угостить гостя кофе и «чем ещё», занявшись внимательным изучением других холстов из рулона. Филл минуту разглядывал оживлённо-задумчивое лицо художника. Пора было уходить, а он ещё не составил себе определённого мнения о Слейтере.

– Простите, Ефрем. Профессия, так что... Вы куда не собираетесь в ближайшую неделю из города?

– Нет, что вы. Куда и зачем? – рассеянно ответил Слейтер.

– Если понадобится ваша помощь, могу рассчитывать на содействие?

Слейтер поднял взгляд, заставивший детектива склониться к мысли: перед ним человек, не имеющий никакого отношения к преступлению в замке «Елена».

4 декабря

«Что бы я делал, о чём бы я думал сейчас на месте Рене Боровского? – спросил себя Филл Баркер, подъезжая на такси к замку, – Непонятная смерть отца через несколько лет после смерти деда. Обе странные, неразгаданные. Конечно, у молодого, здорового физически и психически мужчины мысли о роке, как у старой экономки, нет. Но не только ведь бизнес у него на уме».

Поставить себя на место миллионера-наследника он не успел. Дверь парадного подъезда распахнулась после первого звонка, словно Рене ожидал детектива в холле. В коридоре у лестницы хозяин познакомил Филла со своей сестрой, выходявшей из столовой. Моника оказалась совсем не похожей на Рене: тоненькая и стройная, с миловидным лицом, она так кипела внутренней энергией, что казалась натянутой струной. Только глаза, круглые, под серыми крутыми полукружьями бровей, портили впечатление благородной аристократической утончённости. В ней явно течет кровь иного рода, да ещё и с примесью. Моника непосредственно и просто пригласила Филла и Рене в зимний сад, они устроились на камнях у пруда с рыбками. Журчит ручеёк среди цветной гальки, шелестят в зелени диковинные птички.

«Уютнейшее местечко, где можно снять любой стресс, компенсировать любое перенапряжение, – подумал Филл, вглядываясь и вслушиваясь, – Такие уголки надо создать в полицейских управлениях и участках. Многих глупостей удалось бы избежать». Первый же вопрос, заданный Моникой, укрепил догадку о том, что она не только внешне, но и внутренне не родственна Рене.

– Как вы думаете, Филл, удачно сравнение компьютерной игры с полицейскими расследованиями?

Рене усмехнулся с плохо скрытым неодобрением и сказал:

– Моника в нашем семейном бизнесе делает очень важную работу, заведует рекламой. А в рекламе самое главное парадоксальность, умение подавить самостоятельность воображения потенциального покупателя.

Итак, Рене даёт понять, что у Моники ничего не удастся узнать. Потому что мысли Моники бесконечно далеки от житейских проблем, она убеждена, что занимается самым главным делом в мире, что успех семьи зависит от неё. И всё, что происходит за пределами придуманного для себя мира, для неё не существует. А если что заметное и происходит, оно не задевает её. Совиные глазки Моники вовсе не признак того, что мудрость осеняет её хотя бы в лунную полночь. Завидный тип рассудка, закрывшегося в собственной ограниченности, как моллюск в раковине. Отсутствие интеллектуальной раскрепощённости – прямая причина физического здоровья, психической безмятежности, долголетия и прочего. Этой деловой даме не грозит конец, сравнимый с кончиной её отца. Ему расхотелось беседовать с Моникой, а с Рене в её присутствии не поговорить.

– Думаю, мне необходимо ознакомиться с историей вашей семьи, – без предисловий сказал Филл, – И если у вас имеется архив, в той части, что доступна постороннему...

Рене оторвал задумчивый взгляд от Моника, готовящейся задать очередной «парадоксальный» вопрос, и понимающе кивнул:

– К сожалению, мы с Моникой вынуждены оставить вас. Деловая встреча, отменить никак нельзя. Наш ангел-хранитель Энн-Лилян поможет вам во всём. Семейный архив на чердаке, ключи у неё. Не уверен, что кто-то из ныне живущих Боровских заглядывал в него. В том

числе и я. Какие в прошлом могут быть болезненные тайны? Распоряжайтесь им как сочтёте нужным, чувствуйте себя свободно. Энн-Лилиан найдёте на кухне.

– Прекрасно. Благодарю вас, – сказал Филл, – Рад был познакомиться с вами, Моника. Надеюсь, нам удастся ещё поговорить.

Рене поднялся с камня, протянул руку Монике. Она легко поднялась, блеснула на Филла круглыми глазками и грациозно удалилась из райских кущей. Рене на прощание кивнул головой; Филл успел уловить в его глазах тень страдания.

Вторая короткая встреча с Рене Боровским показала: наследник вовсе не рад обрушившейся на него самостоятельности. Он, несомненно, умный и проницательный человек. И что-то его гложет, чего он не показывает, как все сильные натуры. Но оно пробивается наружу в почти незаметных интонациях, во взгляде. Знающий его получше мог бы понять больше. Хорошо, если жена Рене не похожа на сестру. Нет, без знакомства с прошлым, на которое подвигла встреча со Слейтером, ничего не понять. Пока Филл Баркер нисколько не ближе к разгадке, чем Тимур Стоун. Он ещё с полчаса посидел у озера, прошёлся среди оплетённых лианами пальм, полюбовался на пестроцветных попугайчиков и вышел из зимнего сада.

В коридоре на него смотрел ряд предков Боровских. Ефрем прав: мужчины рода очень похожи. Он узнал Рене; рядом, скорее всего, Ричард. Портрет Рене, выполненный рукой Слейтера, выражает спокойствие. А вот у Ричарда лицо озабоченное. Как у его сына сегодня. Где-то рядом место для портрета Греты. Что может дать беседа с женщиной, лишь пять-шесть лет назад вошедшей в странную семью, которую и очень большие деньги не освободили от несчастий? С каждым поколением портретный ряд погружается всё глубже в прошлое, унося с собой ответы на загадки, лишая вновь приходящих самой возможности ставить верные вопросы.

Столовая – полость, вырубленная внутри беломраморного айсберга. Кухня – музей современной пищевой технологии. И Энн-Лилиан, беспомощно растерянная среди рядов машин, печей, комбайнов. Экономка, выполняющая обязанности всех отсутствующих слуг, оторвалась от кнопок, по которым стучала чуть ли не кулаком, и обрадованно пошла навстречу Филлу.

– Здравствуйте, уважаемая хозяйка! Кроме нас с вами, во всём доме ни одного живого существа. Как я вас понимаю, – сочувственно сказал Филл, – Вся эта техника ужасна, рядом с ней нет домашнего уюта.

– Здравствуйте, инспектор, – дружелюбно ответила Энн-Лилиан, её тонкие руки протянулись к нему, – Я приготовила пирог с фруктами, сейчас будет чай. И не говорите мне, что уже позавтракали. Я их заставила оставить печь на газе, на ней и готовлю.

Филл помог старушке перенести пирог и посуду в столовую, занял место за большим мраморным холодным столом. Вскоре вошла Энн-Лилиан с чаем, и началась беседа, в которой один говорил, а другой слушал.

– ...Ещё при господине Джеймсе в доме хозяйничали люди, а не бездушные автоматы. Повар, кухарка, другая прислуга. Мой отец распоряжался всеми кладовыми и подвалами, держал у себя все ключи. В комнатах для слуг жили пятнадцать человек. После смерти господина Джеймса подвалы засыпали, слуг уволили. Кроме тех, что жили в доме. Теперь осталась я одна, и хожу как тень. Сколько я промучалась, пока господин Ричард научил меня управляться с проклятыми кнопками! Одна посудомоечная машина отняла столько сил. Конечно, посудомойки народ неопрятный и вороватый. Но у меня-то глаза ещё есть! Да и поболтать было бы с кем.

Филл кивал, хмыкал и с удовольствием расправлялся с пирогом, запивая его густым ароматным чаем.

– Вас оставили на моё попечение? Им и гостя некогда приветить как полагается. Погоня за денежками любого погубит.

Филл согласно кивнул, похвалил пирог и сказал, что ему надо попасть на чердак и ознакомиться с архивом. Старушка освободила два ключа из связки на поясе и протянула ему.

– Память стала слабеть. Иначе я многое вам рассказала бы сама. Но и в архиве найдёте. Надо же, куда его засунули! Кто туда поднимется? Раньше был вход на чердак из кабинета господина Джеймса. Сейчас только с улицы.

Подняться по обледеневшей пожарной лестнице на высоту пятнадцати метров под пронизывающим зимним ветром оказалось делом непростым. Филл, с трудом удерживая ключи негнущимися пальцами, отомкнул внутренний замок чердачной двери, больше похожий на люк пассажирского самолёта, толкнул её и с облегчением вывалился на пыльный дощатый пол. Огромное, без перегородок, помещение сразу осветилось: за Баркером следил компьютер. Ни окошка для внешнего света, ни вентиляции. Дышится трудно. На толстом слое серой пыли отпечатки ребристых подошв полицейских ботинок цепочками в разных направлениях. Следы команды Стоуна. Главное внимание они уделили периметру и трубе камина в дальней стороне.

Слева от входа груда антиквариата. Кубки, кувшины, прочая металлическая утварь, украшенная резьбой, инкрустированная блестящими камешками. Целое состояние. Рядом большой железный ящик, настоящий сейф. Следов рядом с ним не наблюдается. Шаги отражаются эхом от кирпичного свода, служившего когда-то укрытием при обороне замка от нападающих. От рыцарских времён осталась одна пыль. Крышка ящика-сейфа подалась легко, подняв едкое облачко. В ожидании, пока оно осядет, Филл прошёл к каминной трубе. Каменная кладка, стянутая железными поясами, имела одну задвижку. Он попробовал: она свободно двигалась вперёд-назад и, судя по размерам, закрывала весь дымовой проход. Закрыв заслонку, Филл вернулся к ящику.

Толстые тетради; пачки писем и деловых бумаг; оригиналы и копии полицейских документов почти полувековой давности. Вначале он вытащил всё содержимое и разложил на полу в соответствии с хронологией. Затем взялся за самые древние свидетельства семейной биографии. Пять или шесть часов пролетели незаметно. Если бы не чай с пирогом, он не смог бы осилить работу архивариуса в столь короткий срок. Сказав мысленно «спасибо» Энн-Лириан, Филл аккуратно вернул бумаги в хранилище.

Предстояло осмыслить прочитанное, привести в нужную систему. Одно прояснилось сразу: никто не знает всего. Никто: ни Рене, ни Энн-Лириан, ни Слейтер, ни полиция. Каждый обладает крупницей нужного знания. Как сложить отдельные частички в цельный кусок? Пространственный срез сделала полиция, он получился неживой, бессмысленный. Архив поможет оживить знание, материализовать призраки прошлого и покрепче ухватить ускользающий кончик нити. Тогда рассеется голубая завеса и он увидит, кто и каким образом расправился с Ричардом Боровским. И – почему!

Временные пласты, представленные поколениями Боровских, связаны одной тайной. Надо начинать с нижнего, фундаментального. Более ста лет тому... Барон Ленард де Борово. Один из первых родоначальников. Состоятельный владетель безымянного тогда замка. Богатство – семейный, родовой атрибут Боровских, изначально бывших де Борово. Богатство сделало их независимыми. Независимость, соединившись с генетически определёнными чертами характера, влекла к зловключениям и трагедиям. Избыток в одном компенсировался недостатком в другом.

Молодой, влиятельный и удалой барон Ленард похитил у своего соседа и приятеля графа Патрика Андерсона невесту. Звали невесту Елена. Так началась очередная троянская история, закреплённая в названии замка. Свадьбу барон сыграл в день похищения. По тем временам подготовка свадебного пира занимала несколько дней. Следовательно, у Ленарда с Еленой имел место предварительный сговор. Вечером того рокового дня в хмельном пылу барон отправил соседу кошель золотых монет в знак выкупа. Таким образом, отвергнутый и обма-

нутый дамой сердца, преданный другом, граф перенёс в один день три тягчайших оскорбления своей чести. Всё дело в том, что наследник знатной фамилии, с текущей в жилах толикой королевской крови, был беден. А бедность в те времена не способствовала укреплению личных позиций. И в те времена... Едва ли молодого графа окружали бескорыстные друзья. И он не смог немедленно ответить на смертельную обиду.

Воинственный, любящий авантюры барон после женитьбы не изменил своим привычкам. И пропал без вести в одной из войн во славу государя. Его наследник, Уокер де Борово, вёл праздную жизнь аристократа и окончил жизнь бесславно, не дожив до старости. Причиной явились пьянство и распутство. Возможно...

Внук барона Ленарда де Борово Томас оказался умнее и практичнее предков. Вместо бездумной траты наследства он принялся за дело. Торговля вычислительной техникой стала смыслом жизни. От примитивных арифмометров до калькуляторов: научно-технический прогресс шёл быстрыми шагами. Начал собственное производство игровых автоматов, усовершенствовал фамилию. Вот откуда пошла выставка электроники первых поколений под портретами в коридоре первого этажа замка «Елена». Тогда же начинается сбор шедевров живописи.

Будучи уже женатым и богатым бизнесменом, Томас встречает внучку графа Патрика Андерсона Кристину. Кровь деда заговорила в ведущем благообразную жизнь внуке: он решил развестись с женой и соединиться с Кристиной. Бедная внучка гордого графа отказывается в притязаниях. Тогда влюблённый Томас Боровский предлагает ей финансовую помощь. Она вновь отказывается. Более того, она решает продать поместье и покинуть эти места. Через вторые руки Томас становится владельцем замка и земель Андерсонов и делает ещё одну попытку. Встреча с Кристиной не приносит ничего, кроме обретения им последней реликвии Андерсонов – портрета графа Патрика. Перед отъездом она берёт с барона-коммерсанта обещание, закрепляя его документом: новый владелец портрета обязывается следить за состоянием одного и ежегодно, в условленный день, приглашать для того художника – внука автора картины. Возникает след предка Ефрема Слейтера, Эрдмана Шервинского, человека из всех отмеченных в архиве самого загадочного.

После того Кристина исчезает и появляется в поле зрения Боровских лет через десять, после смерти Томаса, погибшего в расцвете сил и богатства. Кристина приезжает в родные места с дочерью Джиной и, узнав о смерти Томаса, весьма расстраивается, и обращается к сыну Томаса Джеймсу с просьбой вернуть портрет деда. За ту же или более высокую цену, что была ею получена. Джеймс не соглашается: в семье Боровских реликвии не раздают. Всё, что связано с волей или памятью предков, нерушимо. Внепрактичные движения души удел слабых. А Боровские к слабым себя не относили никогда.

Продолжая дело отца, Джеймс очень скоро становится мультимиллионером. И перенацеливает семейный бизнес на производство сервисных компьютерных программ, от антивирусных до игровых. Едва достигнув возраста зрелости, он погибает при загадочных обстоятельствах. Смерть застаёт его в том же месте, где она найдёт его сына Ричарда. В том же месте, где окончил свой земной путь его отец Томас. Надо заметить, Томас прожил вдвое дольше того и другого. Чем не проявление злого рока, о котором упоминала старая экономка? Тень мистики явно скрывает здесь чью-то злую волю.

Сквозь голубую завесу Филл видит одну цифру, ставшую мистической для всех Боровских, начиная от Ленарда де Борово.

Очень непростая цифра. Цифра 31.

31 октября – день бракосочетания Ленарда с похищенной Еленой. В том году барону исполнился тридцать один год.

Вернув ключи Энн-Лилиан, Филл ещё раз хвалит её кулинарные способности и договаривается о стакане чая.

– Простите, продрог. Так что... Прогуляюсь в каминную залу, и оттуда к вам. Очень признателен.

Он встаёт рядом с камином там, где стоял в свою последнюю секунду Ричард Боровский, полный сил и здоровья. Стоял лицом к каминной полке, на которой бронзовая статуэтка рыцаря в доспехах. Он даже не успел, не смог поднять руки, столь могуч и стремителен был удар. Иначе статуэтка была бы сметена. Откуда мог идти удар? Полиция не ответила на этот вопрос, они не нашли орудия убийства.

Хоть приблизительно определить бы. Полки с посудой... Очень возможно. Самострел! Не древний, конечно, а современный. Может быть, даже с программным управлением. Он мог находиться на одной из полок. Небольшой аппаратик, выстреливающий что-то подобное острию стрелы. Стёкла раздвижные, одно чуть в сторону, сюрприз легко спрячется между фарфоровыми чашками да чайниками. А зачем прятать? Можно и замаскировать в оболочке фарфора.

Хитросплетения преступного ума плюс современная техника – сочетание страшное. И пожалуйста: убийство есть, а убийцы нет. Через день или два, можно и позже, преступник возвращается и прячет в карман или портфель своё оружие, сделанное в виде старинного кофейника. Стекло задвигается на место. Кто может помнить, какая посуда где стоит, если ею не пользуются?

Всё логично, если бы не одно обстоятельство: убитого находят через несколько секунд после падения тела. Входят все сразу. Под левой лопаткой кровавая сквозная рана. И ни ножа, ни острия стрелы, пронзившей тело насквозь. Вытащить оружие без специального приспособления, ещё и на виду у публики невероятно! Судебно-медицинская экспертиза показала: из тела ничего не извлекалось! Нет, не так всё было. Слишком легко объяснить и слишком загадочно исчезновение орудия убийства.

В числе подозреваемых и Рене, специалист в области компьютеров. Он мог бы сконструировать нечто такое... Но спрятать концы? Каким образом? Он ни секунды не оставался один до прибытия Стоуна. Исключать Рене из числа подозреваемых совсем нельзя. Но и считать преступником нет оснований.

Итак, ни ножа, ни острия стрелы. Ни острия стрелы?

Вспомнив беседу со Слейтером, Баркер обратился к портрету неотомщенного при жизни Патрика Андерсона, продолжившего запредельное существование в замке смертельного врага. В замке под именем несостоявшейся невесты. Незавидная судьба... Не случайно прадед Ефрема Слейтера Эрдман Шервинский сделал ему такие глаза: небесного цвета напряжённый прищур. Как у стрелка перед решающим выстрелом.

А всё-таки три стрелы! Одна в руке, две в колчане. А не четыре, как утверждает Слейтер. Что-то тут не так! Зачем художнику путать детектива легко проверяемыми фактами? Как бы потомок художника-алхимика не сделал ему ручкой, не сбежал из города! Ведь не может портретист-профессионал, знающий картину преотличнейше, так ошибаться. Сколько раз Слейтер прикасался к изображению графа кистью, сделанной в дни начала войны между Борово и Андерсоном?

* * *

Чаепитие отодвинуло вопросы в сторону. Экономка продолжала жаловаться на засилье технической революции в её жизни, попытки вернуть её к интересующему Филла предмету не увенчались успехом. Заверив, что через день он с удовольствием попробует яства, приготовленные на старой плите, Филл откланялся.

День сменялся вечером, гаснущее солнце прощалось с заиндеветшими соснами, оставляя невидимой кистью ало-багряные мазки на стволах и красно искрящиеся отметины на снежных

волнах. Филл Баркер торопливо шёл сквозь пылающий закат, мечтая только об отдыхе. И если б обернулся, увидел бы, как полыхают в огне буквы, слагающие женское имя.

5 декабря

Стоун встретил Баркера без энтузиазма. И когда Филл сообщил, что хотел бы продолжить беседу по делу Ричарда Боровского, нахмурился и резко сказал:

- Дело закрыто. И я не имею никакого права возвращаться к нему. Ты меня знаешь.
- Но возникла версия. Андерсоны... Кристина, внучка графа Патрика... Художник...

Стоун не дослушал его.

– Графы, князья, бароны... Когда это было? Месть привидений? С меня хватит той мистики, что я наслушался, работая с тобой. Извини, я спешу, у меня вызов, мне некогда заниматься глупостями.

И Стоун, не смотря на Баркера, захлопнул стеклянную дверь и гулко чеканя шаг, проследовал между рядами столов к выходу. Филл немного постоял, глядя ему вслед, и решительно направился в кабинет Юстаса Муркока, комиссара отдела по расследованию убийств полицейского управления округа. Комиссар встретил приветливее Стоуна, предложил кресло и выслушал без недоверия или иронии.

– Понятно. Три смерти подряд в одном месте. Возможно, одним способом. Вражда... Естественно, подозрение падает на Андерсонов. И, если бы эти убийства не разделялись десятилетиями лет, были бы все основания... А так действительно мистика. Согласен, если бросить на дело все силы, потратить ещё месяц или больше... Но кто будет заниматься другими делами? В городе и округе ежедневно что-то случается. Это невозможно.

Филл понял, что комиссар прослушивал их разговор со Стоуном.

– Так чего же ты хочешь от нас, Филл? Если серьёзно.

– Маленькой помощи. Мне не хотелось пользоваться услугами чужого компьютера. Мне нужно всё о семье Андерсонов после Патрика.

– Нет проблем, – улыбнулся комиссар, – Для чего же я здесь сижу? Думаешь, я не учитывал этой версии? Просто не включил в досье Стоуна, не имело значения. Но флешка тут, ещё не потеряна.

Он вывел данные на экран.

– Вот, смотри сам. У Патрика было два сына. Видно, граф быстро утешился после бегства невесты. Младший, Дэн, бесследно пропал. Тогда это было в порядке вещей. От старшего сына пошла ветвь, но исключительно женская. Дочь, внучка... Именно Кристина. Дальше и её след теряется. Потомков графа Патрика Андерсона в нашей стране в данный момент не имеется.

– А что если потомки Дэна живут под другими именами? И это всё же их дело?

– Сотни людей исчезают ежегодно. Находят немногих. Нет ни технических, ни иных возможностей отыскать всех. Да и оснований. Желającego скрыться в переполненном мире найти непросто. Мотивы, достаточность фактов и улики – что ты можешь представить? Сведения из столетнего архива... И всё! С их помощью можно построить ещё пару версий, и все на песке. Я сделал математический анализ две недели назад – вероятность привязки Андерсонов, даже если они живы, к убийству, почти равна нулю. Таким образом, дело остаётся там, где оно сейчас. И уверен, там и останется. Зря ты, Филл, взялся за него. Ведь знаешь, что Тимур Стоун работает чисто. Конечно, он не гений розыска, но этого и не требуется. Мы все обязаны работать честно, и мы только люди.

Филл поблагодарил комиссара за помощь и решил, что компьютер тоже чего-то стоит! Проблема розыска с его помощью решается предельно просто и быстро. Достаточно войти через интернет в государственную сеть разрозненных хранилищ разнообразной информации, и ответ через минуту готов. Но компьютер не человек, он использует те данные, что ему предо-

ставляют и пользуется машинной логикой. Эдгаром По ни одному компьютеру не быть. Как не стать им «железному камню» Стоуну со всей его несокрушимой логикой и «чистой» работой. Убийство Ричарда Боровского не для Стоуна. И даже не для комиссара, несмотря на его относительную раскрепощённость и опыт. Опыт... На протяжении последних пяти лет Филл Баркер несколько раз поворачивал дела от закрытия к раскрытию благодаря своему так называемому «мистическому» чутью. Разве комиссар вспомнил об этом? Вот тебе и опыт.

Больше ему в полицейских участках до завершения поиска делать нечего. А там – видно будет. Времени до вечера достаточно, и он решил посетить замок «Елена». В замок Баркера вело одно желание – попробовать всё-таки разговорить старую экономку. Он надеется, она вспомнит что-нибудь об Андерсонах и расскажет неизвестное о художнике Ефреме Слейтере. Он убеждён, что разгадка смерти Ричарда Боровского кроется именно тут, она связана с ними обоими.

В замке ждал сюрприз: вернулась жена Рене Грета из детского пансионата на побережье. Она уже знала о приходе детектива и первым делом пригласила его к обеденному столу. Баркер не отказался. Стол накрыт, экономка принесла ещё один столовый прибор и на правах члена семьи села в противоположном конце длинного обеденного стола.

Внимательно рассмотрел Грету – тонкой красоты лицо – заглянул в глаза: удлинённые, с чуть приподнятыми уголками; Филл понял – она полная противоположность Монике. Рене соображал в дамах. Ещё бы: находясь постоянно рядом с сестрой, Рене Боровский твёрдо усвоил, какой не должна быть близкая женщина. И после обмена несколькими вежливо-нейтральными фразами Филл решился на полную откровенность. Терять пока нечего, а надежда что-то приобрести растёт.

– Вы тоже принимаете участие в компьютерном бизнесе?

– Нет, – улыбнулась Грета, сделавшись совсем очаровательной, – Моё дело дети. Зимой они в пансионате, и я стараюсь подольше бывать с ними. Кто-то ведь должен заниматься семьёй?

– Но вы разбираетесь в производстве, торговле, прочих вещах?

– О, я дилетант. В этом я ближе к Энн-Лилиан. Но за эти годы кое-что усвоила, вы правы.

– У вас в доме интересная система охраны. Телевидение, компьютеры, всё взаимосвязано.

Не могли бы вы немного помочь мне разобраться в этом?

– В чём именно?

– Компьютер через телеглазки наблюдает за обстановкой вне и внутри дома. И при необходимости делает видео и аудиозапись. Как он определяет, когда включать запись?

– Это просто. В деталях программы я не разбираюсь, но знаю: запись ведётся, когда в замке или рядом кто-то чужой. Или когда происходит нечто нетрадиционное, неординарное. Ведь мы живём спокойно, почти однообразно.

– Например, падает дерево от удара молнии или загорается?

– Верно. Вы верно понимаете.

– А вот, например, если сейчас со стола упадёт чашка и разобьётся? Он запишет этот случай?

– Не думаю. Нет.

– Простите, ещё вопрос. А если упадёт или просто сдвинется деталь сервиза в безлюдной комнате? Скажем, в каминной зале. От подземного толчка, например.

Она внимательно посмотрела на него, пытаясь угадать направление мыслей.

– Нет. Тоже нет. Вот если бы её толкнул кто-то чужой. Программа ориентирована на отклонения в поведении живых людей, а не вещей.

– Простите за любопытство. Я столкнулся с большой загадкой. Иногда мои вопросы непонятны и мне самому, – признался Филл, – Я целый день посвятил разбору семейного архива Боровских. Вряд ли вы о нём что-то знаете, поэтому...

– Отчего же! – перебила его Грета, – Я не видела самого архива, но многое знаю. Я поняла, почему вы со мной так... Но это к лучшему, – непонятно сказала она.

Энн-Лилиан поднялась со стула и придвинула поближе к Филлу вазочку с вишневым вареньем. Филл заметил, что старушка избегает смотреть в глаза Грете. «Ещё одна причуда. Чутьё у Энн-Лилиан есть, но зря рассчитывать, что она что-то вспомнит». Следующая фраза Греты прозвучала как гром в зимнем небе. И не только для него: старая экономка замерла, остановив расширенные в ужасе выпуклые глаза.

– Дело в том, что моя девичья фамилия Андерсон. Мой прадед – сын Патрика Андерсона Маркус. Мы с Рене решили не открывать этого факта. Но гибель отца случай исключительный. И я вправе не сохранять уговор. Если я смогу чем-то помочь...

Вот это да! Полиция всей страны не знает о ней, Слейтер не знает, никто не знает. Все основания для задержания... Филл окунул вилку с кусочком жаркого в вишнёвое варенье. Чем же здесь занимался Стоун? Его бы самого занести в список подозреваемых! Замок невероятностей!

– Я понимаю, в каком вы затруднении, – сказала Грета, сузив глаза и став похожей на портретное лицо графа Патрика, – Я много раз пыталась поставить себя на место полиции. Ничего не вышло. Они месяц допрашивали нас, осмотрели все углы. Я дошла до того, что начала подозревать саму себя. Ведь и у вас мелькнуло такое предположение, не так ли?

Не желая отвечать, Филл повернул голову в сторону Энн-Лилиан. Её уже не было в столовой.

– Я даже побывала на приёме у психиатра. Но психика оказалась в порядке, никакого лунатизма.

– А вы что-нибудь знаете об истории отношений Боровских и Андерсонов? – спросил он, чтобы отвлечь её от тяжёлых мыслей.

– Мы с Рене решили прекратить противостояние предков. Когда узнали, кто есть кто. Вторая попытка оказалась удачной. Когда мы встретились, мы и не догадывались... Моя бабушка Кристина переживала об отказе Томасу Боровскому всю жизнь. Я плохо помню её...

Из рассказа Греты Филл почерпнул нового совсем немного. Но и то малое, что она привнесла в его скудный багаж знаний об истории семей, показалось крайне важным. Оказывается, младший сын Патрика Андерсона Дэн уехал в добровольное изгнание, поскольку был не согласен с отцом в стремлении того к мести. Через несколько лет Дэн сообщил о себе брату Маркусу, не раскрывая адреса: устроился, женился, родился сын. По словам Греты, перед кончиной граф, по выражению бабушки, «чудил». Занялся демонологией, вошёл в какое-то тайное сообщество, где и познакомился с художником Шервинским. Они сблизились. Он-то и написал портрет графа Патрика. Грета узнала об этом портрете только здесь, в замке «Елена».

«Итак, был сын-внук всё-таки. Не прекратился род графа Патрика на Маркусе с его женским наследием. Итак, династия Дэна, скрывающаяся и от своих, и от чужих. А у дочери Кристины Джинны родилась Грета. Теперь она хозяйка в доме Боровских!»

Патрик Андерсон поклялся отомстить барону Ленарду де Борово, чего бы это ни стоило. Нрав графа, несмотря на тонкую интеллигентную внешность, был весьма крут. Любил военное дело, постоянно ввязывался в поединки. Отлично владел оружием. Стрелой попадал в монету с расстояния в сто шагов. Склонность к сумасбродству и оттолкнула от него Елену. Почему она жила в его замке, остаётся загадкой. Характером граф не отличался от соседа-барона. Однажды граф предпринял вооружённый штурм соседского замка. Но потерпел неудачу, еле унёс ноги. С того времени, по-видимому, мысль о мести стала главенствовать в его отчаянной голове. Но граф не успел сдержать клятву. Не успел? Кто же тогда? Понятна теперь нелюбовь старой экономки к молодой жене Рене. Она обратила внимание на её глаза, такие же, как у портрета. Энн-Лилиан видела в Грете угрозу, даже не подозревая о её истинном происхождении.

– У вас глаза как у прадеда... На портрете.

– Да. И как у бабушки Кристины. У мамы другие.

«Нет, не выжила из ума старая Энн-Лилиан. Надо заново переосмыслить её слова. Она ближе к памяти семьи, чем сама семья. Не случайно экономка доверяет календарю, а не людям».

– Одарённый художник написал портрет. Он как живой.

– О да! Но Ефрем Слейтер не менее талантлив.

«А что если этот Слейтер потомок Дэна? Взявший себе имя колдуна? Шервинский по какой-то причине имел две фамилии. Что, если ему платит внук или правнук Дэна? Грета, по всей видимости, чиста и предана Рене и детям. Как трудно работать одному, да ещё и без государственного прикрытия! Всего никак не успеть. Ему бы ещё пару человек для проверки всяких деталей.

Самая тёмная фигура в складывающейся композиции Слейтер. Путаница с деталями картины не случайна. Алиби себе соорудить в наше время может каждый. Были бы мозги. А они у Слейтера имеются. Надо бы проверить его банковский счёт! Бесплатно такие вещи не делаются.

Шервинские-Слейтеры прямо прикипели к обитателям замка «Елена». Приобретение портрета могло быть хитрым ходом, подготовленным Кристиной Андерсон совместно с Дэном либо его сыном. Прекрасный повод для органичной привязки Шервинского к семье де Борово, ставших Боровскими. Опять идти к комиссару и просить проверить генеалогию Ефрема Слейтера? Или найти другой путь?

Бедный граф и его близкий приятель художник... Оба члены тайного сообщества то ли алхимиков, то ли колдунов. Барон Ленард, не боящийся никого и ничего, был далёк как от науки, так от мистики. Патрика и Ленарда соединяла дружба, но их вражда сблизила семьи много крепче. Только в ней, в этой близости, разгадка серии смертей! Граф Патрик сдержал клятву. А помог ему в том колдун Эрдман Шервинский. И Слейтер-Шервинский играет в исполнении клятвы определённую роль. Придётся немедленно разрешить спор о количестве стрел! Но прежде подумать. Немного отдохнуть и подумать. Он не полицейский, чтобы мчаться вперёд по первому побуждению-подозрению, словно взбесившаяся гончая. Интересно, держал ли гончих обедневший граф?»

Окончание обеда вышло скомканным. Филл поблагодарил хозяйку и сказал, что перед уходом заглянет к Энн-Лилиан. Грета понимающе кивнула.

– Вам она доверяет. Со мной теперь и слова не промолвит. Я и не знаю, что предпринять до прихода Рене.

Он обнаружил Энн-Лилиан на кухне. Старушка загружала в посудомоечный агрегат чистые тарелки и шевелила губами, говоря сама с собой:

– Делают что хотят. Надо же на ком жениться... Мало им гибели Джеймса и Ричарда. Эти Андерсоны изведут весь род Боровских, – заворчала она, увидев подошедшего Баркера, – Вот завезут роботов, как хотят, уйду на покой. Пусть по-своему... А мне пора, зажились.

Неприязнь к Андерсонам, воплотившаяся в свежем чувстве к Грете, переполняла экономку. Поняв, что говорить с ней сейчас бесполезно, Филл сказал «до свидания» и направился к выходу. Дверь перед ним распахнулась сама: компьютер его окончательно принял за своего. Рене внёс дополнения в программу охраны замка. Признак доверия.

«Ни к кому не подступиться! Клубок какой-то, без концов и начал. Лента Мёбиуса, а не уголовное дело. Склеили три династии в единую бесконечную ленту. Разберись тут! Прав комиссар, дело глухое. Если б Слейтер был замешан, Стоун его бы не упустил».

Он долго шёл пешком по дороге в город, не реагируя на приглашения водителей попутных машин. Требовалось основательно прояснить мозги, а пешая прогулка наилучшее для того средство. За рулём синего стоуновского «Мерседеса» нужных результатов не достигнуть.

6 декабря

В городе имеется два банка, в которых Ефрем Слейтер мог держать счета. Он оказался клиентом обоих. На получение сведений понадобилось полчаса. Два года назад комиссар Муркок лично расследовал деятельность группы хакеров. В отделе считалось, что Филл Баркер ничего не соображает в компьютерах, и он смог без помех усвоить технологию проникновения в банковские компьютерные сети. Поступления на счета Слейтера шли бессистемно, но регулярно. Деньги он снимал редко, и едва ли имеет точное представление о состоянии своих финансов. Самым любопытным было то, что первого декабря некто неизвестный перевёл ему весьма крупную сумму. Ранее таких гонораров Слейтер не получал.

Первое декабря – следующий день после смерти Ричарда Боровского! Безадресный перевод... Добраться до отправителя в короткий срок без содействия полиции не получится. Аргументом для возбуждения дела денежное вливание само по себе быть не может. К тому же информация получена незаконным путём. Если бы в поведении Слейтера нашлась какая-то, малейшая, зацепка – другой вопрос. Но зацепки не находилось.

Ящичек с красками-кистями... Наследство живописца-колдуна... И стрелы! Сколько их всё же, этих нарисованных стрел? На самом ли деле Слейтер не следит за своим финансовым положением? И не помнит, кто, когда и сколько ему должен? Естественная рассеянность творческой личности или хитрое прикрытие? Пора посетить студию.

Слейтер встретил внешне-бытовой рассеянностью и внутренне-рабочей сосредоточенностью. На станке почти законченный портрет Греты.

– За последние дни кое-что прояснилось, – сказал Баркер, наблюдая за художником и вновь разочаровываясь в истинности подозрений, – Хотел услышать ваше мнение. Люди искусства способны на оригинальные выводы.

Он рассказал о родовой принадлежности жены Рене Боровского. Когда до Слейтера дошёл смысл сказанного, он остановил работу, в изумлении посмотрел на детектива и возбуждённо воскликнул:

– Мне давно следовало догадаться! Ведь глаза! Они просто кричат о родстве.

И он стал перебирать эскизы, разбросанные по полу. Не дожидаясь, пока художник успокоится, Филл продолжил:

– А вот стрел на портрете всё-таки три. А не четыре, как вы упорно доказываете. Вчера я снова пересчитал.

– А вот этого не может быть! – искренне возмутился Слейтер, – Готов ставить десять против ста.

– Принимаю. Так что давайте отправимся в замок и решим пари. Ведь эта работа не особо срочная? Подождёт час-другой?

Слейтер с сожалением оглядел картину и согласно вздохнул.

«Нет, никак не мог Ефрем принимать участие в убийстве. Не тот человек. Весь в себе, в своём таланте. И располагает. Но ведь Шервинский тоже не был бездарностью. Неразрешённая загадка Сальери... И Слейтер не потомок Дэна. Подмена династии, да ещё такая, чтобы о ней не знали сами подменённые, не имеет смысла. Если б Слейтера каким-то образом заставили, он обязательно бы раскрылся. Надо ли проверять генеалогическое древо? Если что и было в прошлых поколениях, давно сошло на нет. А если обнаружится, что Слейтер вовсе и не Слейтер и даже не Шервинский, а Андерсон, полиция его немедленно арестует. Тогда Стоун заставит признать того искусственность алиби. Это он может, Ефрем и сам поверит. Через неделю на Слейтера повесят убийство Ричарда, и никто его не спасёт. Тут вам не Гонконг, как говорится. Нет уж, как ни трудна задачка, не бросит Филл Стоуну и малой косточки. Когда им нечего грызть, они цепляются и за куриное крылышко. Итак, никакой проверки Слейтера!»

Через десяток минут они сидят в машине художника, а ещё через полчаса входят в каминную залу замка «Елена». Ефрем устремился к портрету графа Патрика. Увиденное так его поразило, что он уселся на коричневый антикварный стул у стола рядом с диваном и просидел не шевелясь минут пять. Филл не мешал.

– Будто другая картина... Словно подменили. Как такое могло случиться? Кто мог поработать? Немыслимо! Нет, это со мной что-то происходит...

Слейтер сжал голову руками, резко поднялся и подошёл к Баркеру.

– Краски у меня с собой, в машине. Может, исправить? Хотя что это меняет? Самого себя не перерисуешь!

– Не надо, – отозвался Филл, – Не надо ничего менять. Подождём. Расскажите лучше о своём прадеде. Всё, что знаете.

– О Шервинском? – удивился Слейтер, – Что я о нём могу сказать? Век целый пролетел. От него что и осталось, так этот портрет, краски да ненужная мелочь в сундуке, вы видели, давно выбросить пора. Да, ещё вот этот календарь

Он подошёл к календарю у двери, на котором чернела цифра «6». «Опять календарь! Надо его поближе рассмотреть, – решил Филл, – К нему и у Энн-Лилиан особое отношение».

– Мой прадед, несмотря на близость к графу, с Боровскими поддерживал нормальные отношения. Этот календарь его подарок сыну барона Ленарда. На память о свадьбе его отца. Тут одна только красная цифра, 31. День семейного торжества. Я за ним тоже посматриваю. Отец упоминал о календаре.

– И вы никогда не забываете о шефстве?

– Как можно! Это такие вещи, которые делаешь не задумываясь. Как зонтик при дожде.

Слейтер снова подошёл к картине, внимательно рассматривая каждый мазок, отличая свои от прадедовских. А Филл обратился к календарю. Магическая цифра «31» снова заалела перед ним. Он провёл руками у календаря. Верно: осязаемое излучение, признак жизни, переданный создателем. Непростым художником был Эрдман Шервинский. И подарок непрост. Художник-колдун не слуга двух господ. Это – личность! И он мог выбирать себе и стиль жизни, и покровителя.

В машине на обратном пути он попросил у Слейтера ящичек с дедовскими красками, поставил себе на колени, поводил над ним ладонями и задумался. Пожалуй, пора ему уединяться. Информации сверх головы, можно как запутаться совсем, так и отыскать ускользнувшую нить. Вот для таких размышлений и нужна холостяцкая уютная квартира. Никто не помешает. Даже телефон не позвонит, никому он не нужен во всём городе.

День, два, три... Сколько надо, столько просидит взаперти! Портрет графа; ящичек с древними красками, ежегодно оживляемыми; прадедовский сундук в мастерской Слейтера; календарь наконец... Все они в одном ряду. А над ними, – красная цифра 31. Тридцать первое октября. День смерти Томаса, Джеймса, Ричарда, обозначенный в подарочном календаре кровавой меткой. Всё, чего касалась рука колдуна, источает мрачную энергию. И столь осязаемую, что необразованная древняя экономка фиксирует её по-своему.

У полиции нет приборов для обнаружения мистической силы, они имеются только у него, Филла Баркера. Правда, где точно, он и сам не знает. Следовательно, кроме него, никто не способен разгадать тайну замка «Елена». Он закрыл ящик с красками и попросил Слейтера строгим командным голосом:

– Отвезите меня домой. Рядом с вами разве отдохнёшь? И ещё – прошу в ближайшую неделю никуда из квартиры или мастерской не отлучаться. В том числе к Боровским.

8 декабря

Рене Боровский и Филл Баркер расположились на камнях в зимнем саду замка «Елена» и какое-то время молчали, изредка поглядывая друг на друга. Беспокойный огонёк в глазах хозяина замка за последние дни не только не погас, но разгорелся отсветом мистически роковой цифры «31». Филл догадывается, чем он вызван, и в соответствии с этим определяет линию разговора. Успех дела, за которое он взялся, зависит в итоге от того, как поведёт себя Рене.

– Внешне обстановка прежняя. Подозреваемых в ближнем окружении нет, улики нет, ничего нет. Полиция бессильна. Я понимаю ваше состояние. И состояние вашей жены, – начал Филл, – Внутренне все подозревают всех. В семье беспокойно, что сказывается на отношениях, на работе, на всём.

Рене молчит. Накануне вечером он согласился на сегодняшнюю встречу без раздумий. Видимо, неопределённость ему надоела до крайности, и он цепляется за соломинку по имени Баркер.

– Убийство вашего отца не первое. В точно таких же обстоятельствах погибли дед и прадед. Убиты в один и тот же день, одним и тем же способом. Впечатление такое, будто какой-то долгожитель-маньяк более ста лет преследует вашу семью.

– Да, я думал над этим. Впечатление именно такое.

– Убийство вашего отца не первое, – повторил Филл, – И кто может гарантировать, что оно последнее? А если так, кто на очереди?

Роковое число «31» в глазах Рене светится почти различимо. Филл нащупал нужную тропинку к осуществлению своего плана.

– Можно, конечно, пойти традиционным методом. Начать поиск наследников гнева графа Патрика. Потомков его исчезнувшего сына Дэна. Покопаться в генеалогии вашей жены. Заняться проверкой Слейтера. Ничего хорошего из этого не выйдет, поверьте мне. Единственным приобретением будет разлад в семье. Вы согласны со мной? Ведь вы думали над этим.

– Согласен. Мне нечего возразить.

– Таким образом, для нас обоих абсолютно ясно: следующая жертва вы. Если хотите прекратить серию смертей, вам придётся поверить мне. Другого пути у вас всё равно нет. Готовы ли вы довериться частному детективу, покинувшему службу в полиции, не имеющему крепкого авторитета и внешне не располагающего к подобному доверию?

– А если я скажу нет, как вы поступите? – спросил Рене, пристально смотря в глаза Филла.

– Мне ничего не останется, как откланяться. С надеждой, что ваш сын, если доживёт до совершеннолетия, поверит мне и сделает так, как я скажу ему.

– В таком случае я готов выполнить все ваши рекомендации, – обратив взгляд на пруд с резвящимися рыбками, сказал Рене.

– Прекрасно, – Филл тоже обратил внимание к воде, – Много из того, что я скажу, покажется невероятным. Но кому как не вам, специалисту по компьютерам, знать сложность мира, в котором мы живём? Ведь виртуальные пространства, конструируемые вами, хоть и живут самостоятельно, рождены в результате преобразованного отражения скрытых процессов, как окружающих нас, так и живущих внутри нас.

Рене кивнул, со смесью удивления и уважения посмотрев на детектива, проявившего вдруг интегральное понимание столь специфической проблемы.

– За два-три дня вам предстоит сделать многое; подготовка завершится экспериментом. Тем, что в полицейской практике называют следственным. В первую очередь закажите биоробота. Ведь вы всё равно собирались завести их на место отсутствующих слуг? Ваш персональный компьютер создаст ваш полный и точный образ, передаст его изготовителю роботов. Он должен быть в той одежде, которую вы одеваете обычно во время семейных праздников. Точнее, ежегодно в день тридцать первого октября. Вы меня понимаете? Робот будет выглядеть в точности как Рене Боровский. И по конструкции максимально близок к живому человеку. Вплоть до наличия крови в жилах.

Хозяин замка «Елена» слушал детектива с нарастающим любопытством.

– Далее. Пригласите полицию на утро готовности. Всю группу, которая проводила расследование. Хорошо бы и комиссара. Я, как вы понимаете, для них не... Вас они послушают, найдите доводы поубедительнее.

– Это возможно. Будет сделано, – заявил Рене.

Было заметно, что он увлёкся, ещё не понимая сути предлагаемого эксперимента.

– Пригласите Ефрема Слейтера. Он должен вести себя так, как всегда ежегодно, тридцатого октября. В соответствии с бессрочной договорённостью, связавшей его с вами.

Рене неосторожно переставил ногу, камешек скатился в спокойную воду, подняв лёгкое волнение.

– Очень важно подготовить семью. Поработайте с Энн-Лилиан. Вы для неё единственный авторитет. Не зная сути – её представляю я один в полном объёме – они должны вести себя внешне так, будто наступил день тридцать первого октября. И одеты соответственно. Никаких лишних эмоций, проявлений нервозности и тому подобного. Это будет непросто. Но необходимо. Одна истерическая вспышка может всё испортить.

Лицо Рене выглядит спокойнее, чем в начале разговора, тревожный огонь в глазах пригас.

– Плюс: проверить все запоры, решётки, охранную сигнализацию, каминную трубу, чердак, подвалы в присутствии полицейских. И составьте протокол, поставьте, если необходимо, охрану. Задвижки трубы камина перекрыть, приготовить «кляп» -заглушку для камина снизу. Очень важно – закрыть портрет графа Патрика плотной шторой. Вы всё запоминаете?

– Конечно! У меня профессиональная память.

– Самое, пожалуй, главное: настроиться и подготовиться самому. Вы должны будете делать и говорить во время эксперимента то, что я вам сейчас скажу. В определённой последовательности, по моему сигналу. Вы готовы к этому?

– Я не могу представить ваш замысел полностью. Но вы меня убедили. Я всё выполню в точности. И сообщу вам о готовности накануне вечером. Думаю, двух суток на всё хватит.

11 декабря

Начало эксперименту Рене определил в десять ноль-ноль. В девять пятьдесят, после завершения подготовки, все участники собрались в коридоре у входа в каминную залу. Обстановка для всех присутствующих, кроме комиссара Юстаса Муркока, знакомая, и только он один с любопытством оглядывает игровые автоматы и портреты на стенах. Судя по интересу, он не прочь заняться одной из игр. Рядом с Рене биоробот, и отличить его от оригинала можно только по неподвижности.

– Прошу прощения за то, что не могу посвятить всех в суть предстоящего события, – сказал Филл, оглядывая собравшихся, – Но таково условие эксперимента. Уверяю вас, через несколько минут всем станет всё ясно. И вы извините меня и хозяина замка за вынужденную таинственность. Прежде чем мы начнём, хочу заявить: сценарий, выработанный хозяином замка и мной, требует от нас определённой последовательности и собранности в нашем поведении и словах. От присутствующих – а особенно от представителей полиции – требуется предельная внимательность.

– Кто же это требует от полиции вести себя так, как ему того хочется? – перебил его Стоун, с неприязнью глядя на Баркера.

– Господа, – вмешался Рене, – У меня с комиссаром накануне состоялся разговор. И он заверил меня, что всё пройдёт так, как того требует непростая ситуация. Ведь так, комиссар?

– Конечно, господин Боровский. Лейтенант Тимур Стоун хотел сказать, что он разделяет ваши установки, – комиссар Муркок улыбнулся, – А некоторая его нервозность объясняется необычностью роли, которую он вынужден играть. И только.

Стоун опустил голову, покраснел, отошёл в сторону, натолкнулся на твёрдый локоть биоробота и остановился.

– В таком случае продолжу, – сказал Филл, подойдя к двери каминной залы, – Напротив камина портрет лучника во весь рост. Сейчас он закрыт шторой. Когда мы войдём в каминную залу, по моему сигналу штору уберут. Прошу всех запомнить детали портрета: выражение лица, глаз, сколько стрел в колчане и в руках, положение лука. Обратите внимание на сходство биоробота с хозяином замка. Это не случайно. Полицейский протокол – его копия у хозяйина замка господина Боровского – говорит, что кроме нас, в замке никого нет. В каминной зале тоже никого. В залу можно пройти только через дверь. И выйти тем же путём. Каминная труба снизу закрыта наглухо. Везде охрана, всюду наблюдение. В том числе за нами, за каждым из нас. Прошу чувствовать себя непринуждённо: вы гости дома, вы приглашены на семейный праздник. В случае неуспеха предприятия смешным окажусь только я, Филл Баркер. Только я рискую всем: именем, репутацией, работой. Если происходящее окажется глупым розыгрышем, или дешёвым спектаклем, как думают некоторые, пострадаю только я один. Несколько минут терпения... Вам не составит труда.

– Кто будет вести протокол? – спросил кто-то из команды Стоуна.

Рене снова решил помочь Филлу:

– Во всех помещениях замка, в том числе здесь и в каминной зале установлены видеокамеры. Мой сервер-компьютер будет вести непрерывную запись как на винчестеры, так и на внешние носители. В том числе облачные хранилища. Если понадобится, легко переведем на язык бумажного протокола. Вы удовлетворены?

Филл с чувством признательности отметил: Рене абсолютно верит в правильность эксперимента, и представляет себе в основных чертах то, что должно произойти. Он посмотрел на свои часы, взялся за голову серебряного льва, обменялся взглядами с Рене и открыл дверь.

– Дамы и господа! Дорогие гости! – громко произнёс Рене, подходя к двери, – Спасибо за то, что вы пришли засвидетельствовать своё уважение семье Боровских. Сегодня в замке «Елена» двойной праздник: годовщина свадьбы барона Ленарда де Борово и моей прабабушки Елены, а также тридцать один год мне, сегодняшнему хозяину замка и главе дела, оставленного отцом. По традиции, праздник в нашем доме начинается с посещения каминной залы, единственного помещения, где всё сохранилось так, как было при жизни прадедушки Ленарда и прабабушки Елены. Прошу вас, свечи в зале зажжены.

Филл вошёл первым, повернулся к календарю, открыв красную цифру «31». Вслед за этим Рене отдернул штору и освободил портрет графа Андерсона. Филл ещё раз пересчитал стрелы: две и одна, как и было три дня назад. Нашел взглядом Слейтера; тот не отрываясь смотрит в глаза портрету; они выглядят как никогда живыми и следят за всеми входящими.

«Что же, ему будет полезно, – подумал Филл, – Не всю же жизнь бездумно выполнять заветы предков».

Один за другим гости проходят мимо портрета, внимательно его оглядывая, рассматривают убранство комнаты, на выходе задерживая взгляды на горящей кровью цифре «31» на календаре. Пожалуй, слово календарь не соответствует правде. Скорее сигнальная армейская труба, готовая обозначить начало атаки. Посещение каминной залы заняло десять минут. Филл вышел последним, закрыл за собой дверь, и, пройдя несколько шагов вперёд, негромко произнёс во всеобщей тишине, вызванной нарочитой торжественностью начавшегося спектакля:

– Теперь прошу молчания, – и он кивнул Рене.

Тот подошёл к своему двойнику, включил его. Заработала отредактированная Рене программа, биоробот ожил, оглядел всех знакомыми глазами Рене, так что стало чуть жутко; Энн-Лилиан перекрестилась, Моника чуть не вскрикнула, но Грета успела её взять за руку. Твёрдым

шагом Боровских робот подошёл к двери, хозяйским жестом распахнул её, вошёл и закрыл за собой.

Филл затаил дыхание. Всё решала текущая минута. Все были одинаково возбуждены: и посвящённые, и незнающие; и догадывающиеся, и ничего не понимающие. Через минуту из каминного зала донёсся глухой удар, все вздрогнули, и Филл понял: он выиграл!

– Прошу вперёд полицейских. В комнате только что совершено убийство, – он открыл дверь и сделал приглашающий жест рукой, – Так что, обратите особенное внимание на детали картины, на происшедшие в ней изменения и на рану, нанесённую биороботу. Ткани его тела соответствуют человеческим, внутри жидкость, идентичная крови.

Подождав, пока команда Стоуна вошла в каминную залу, Филл повторил жест приглашения для художника. Комиссар в сторонке, рядом с Боровскими, не собираясь входить в комнату семейной смерти, изучающим долгим взглядом рассматривает Баркера. Видимо, в его голове пошла переоценка ценностей. Из залы вышел лейтенант Стоун.

– Господин комиссар! Это же робот! Я не совсем понимаю, надо ли проводить расследование в полном объёме...

– А если бы на месте робота оказался господин Рене, как бы вы поступили, лейтенант? – ответил ему вопросом комиссар.

Стоун пожал плечами, стараясь не смотреть на Баркера. Филл расстегнул пиджак, вытащил из-под него стрелу и протянул Стоуну.

– Прошу. Экспонат исторического музея, взятый мною под расписку накануне. Экземпляр полностью соответствует тем, что на вооружении у портрета. Ведь у него сейчас на одну стрелу меньше, не так ли? А эта музейная штучка позволит вам быстрее определить оружие, которым был повержен двойник владельца замка.

Стоун покосился на комиссара, взял стрелу и исчез в зале. Филл обратился к Рене:

– Думаю, вам не стоит заходить туда. И всем остальным тоже. Не будем мешать полиции. Нам необходимо иметь квалифицированное, юридически оформленное заключение.

Посветлевшая Энн-Лилиан подошла к Филлу:

– Не хотите ли чаю?

– Пожалуй. А если ко мне присоединятся все здесь присутствующие? Это не будет затруднительно?

* * *

Комиссар за столом продолжал изучать Филла; Рене, Грета, Моника и Ефрем Слейтер сидят молча, углублённые каждый в свои мысли. Вот Рене переглянулся с Гретой, улыбнулся ей, она ответила глазами; поднялся, прошёл к бару у стены и вернулся с бутылкой коньяка. После рюмки напряжение заметно ослабло.

– Господин комиссар! – сказал Филл, смотря в глаза Рене, – Всё повторилось в точности так, как было тридцать первого октября с отцом Рене, Ричардом Боровским. Если вам не всё до конца ясно, посмотрите видеозапись происшедшего в каминной зале. Рене и Слейтер, если нужно, дадут разъяснения. А мне пора...

– Что я могу сделать для вас, Филл? – спросил комиссар.

– Если, так что... Попросите Стоуна вернуть стрелу в музей. Больше всего в жизни боюсь обвинений в легкомыслии.

Энн-Лилиан смотрит на Филла преданными глазами, стараясь уловить, что ему хочется ещё, и доликает в чашечку с чаем коньяку. Моника обводит круглыми совиными глазками всех по очереди и повторяет:

– Ничего не понимаю... Ничего...

Филл поблагодарил экономку и подумал: «Пожалуй, в жизни Моники это первые слова, полностью подходящие к ней и выражающие истинную правду».

– Господин Рене! – обратился он к хозяину замка «Елена», – Мой вам совет на прощание: архивы убрать подальше. Там ничего любопытного для вас и ваших детей. Портрет и краски, хранимые Слейтером, уничтожить немедленно. Всё забыть. И начать жить заново, в спокойствии и благополучии.

Рене кивнул, вынул из внутреннего кармана пиджака чековую книжку, расписался, оторвал листок, протянул Филлу. Тот так же молча, не посмотрев на цифры, спрятал чек в брючный карман. Слейтер вскочил со своего места и подошёл к Филлу с протянутой рукой. Пожав руку, художник признательно сказал:

– Я восхищён... Примите и мою благодарность. Вчера я побывал в банке и обнаружил, что мне пришли деньги ещё первого декабря. Гонорар за работу, сделанную два года назад. Я и не рассчитывал на него. Уже и забыл. Считаю своим долгом... Я обязан вам больше, чем другие. Кому, как не мне, понимать это... Да и пари я проиграл.

Поняв, что и от этого проявления признательности не отказаться, Филл присоединил второй чек к первому, поднялся из-за стола и попрощался со всеми сразу. В коридоре, на выходе из столовой, его остановила Грета.

– Простите, Филл. Но как вы узнали? В чём секрет?

– Всё очень просто. Ключ ко всему цифра «31». А в детали вас посвятят муж и Слейтер. Самые большие затруднения будут у полиции: проблема оформить и закрыть дело. Преступление раскрыто, преступник обнаружен, но суда не будет. Сложная проблема. Что представлять в суд и кого судить? Прошлые и настоящее иногда так переплетаются, что никакой протокол не выдержит. Желаю вам счастья. Извините, мне пора.

* * *

Сосновый бор шумит легко и радостно. Солнце играет весенними зайчиками-бликами. Филл Баркер оглянулся: старый замок прощально блеснул яркой надписью. ...Елена...

Боровским больше ничто не угрожает. Это хорошо. Тогда почему ему так грустно? Ещё одной загадкой стало меньше? На его век тайн хватит, но мир людей, пожалуй, стал чуточку беднее. Порыв холодного ветра проник под пальто. Филл поёжился. И усмехнулся. Чеки в брючном кармане смогут защитить от непогоды, устранить ставшие привычными неудобства. И не будет он внешне отличаться от Стоуна. Весь вопрос в том, захочется ли ему это сделать, как думал он ещё утром.

Лицо графа Андерсона с портрета в каминной зале смотрит с уверенным прищуром. Где он сейчас, в каком круге ада или рая? Что, если краски Шервинского сохранились не только у Слейтера?

Там чудеса... или Происшествие в Боровом

Рассказ о незавершённом расследовании

1. Ведьмин холм. Воплощение желания

Желающие чуда сами не знают, что творят. Тропинки создаются раньше, чем по ним пройдут первые.

Село Боровое, где произошло то, чему не все способны поверить, уютно устроилось между рекой Чистой и артерией шоссе, связывающей центр района Северск с более крупными очагами цивилизации. От Северска до Борового сорок километров. До областного города почти сто. Место удивительное, хранящее девственную свежесть воды, воздуха и земли, полное спокойствия, ценящее удалённость от крупного производства. Некогда село отличалось населённостью, сравнимой с некоторыми районными городками. Потрясая страну трансформация прошла здесь по касательной. И кроме нескольких магазинов, отделения Сбербанка, почты-телеграфа, больницы с аптекой, боровчане имеют церковь и дом культуры. Каждый занят трудом: кто в сельхозартели-наследнице полузабытого колхоза-миллионера, кто на фермерских гектарах, кто на личных участках.

Господствует над округой Ведьмин холм, отстоящий от крайних домов северной окраины километра на два. Отделяя прилегающий к селу лиственный лес от заповедного соснового бора, через поляну на вершине Ведьмино холма бежит тропинка – кратчайший путь с этой стороны Борового к шоссе областного значения. С поляны удобно наблюдать единое бытие людей, животных, воды, леса. Каждый, кто здесь побывал, хранит ощущение лёгкости и ясности. Но не каждый стремится сюда. Дело в том, что у поляны своя история.

По местной легенде, на вершине холма ведьмы собирали сходки. А ведьм в древние тёмные времена в Боровом и окрестностях обитало великое множество. Знающие люди утверждают: ведьмины тени и в недавние времена кружили вокруг дуба на поляне. Естественно, в полнолуние. Несколько лет назад дуба не стало, и после того в лунные ночи можно услышать плач и причитания по нему, дававшему нечистой силе укрытие и защиту. Вот почему холм называется Ведьминым. Ведьмы обрели второе пристанище в нежилых домах на южной окраине Борового, среди непроходимых зарослей терновника. Даже мальчишки не отваживаются на экскурсии в терновые джунгли, грозящие неведомыми опасностями.

На самом деле наша поляна к ведьмам отношения не имеет, она лишена злого корня. Не было случая, чтобы шиповник, растущий на южном склоне, напрасно уколол кого-нибудь своими иглами. Кусты боярышника, отделяющие поляну от окружающих село белых тополей, бело-жёлтых берёз и красных клёнов, столь же мирные. А по осени готовы склониться и протянуть тёмно-алые кисти – универсальное средство от сердечных невзгод. Но жители Борового не догадываются об истинном нраве Ведьмино холма. Люди потеряли способность слышать голос природы. Лишь один человек, снисходительно называемый блаженным, смог ощутить приближение перемен. И только он понял, что началом им явилось желание женщины. Женская мечта сделалась целью бытия поляны.

2. Захар Беркутов. 19 мая

Капитан Беркутов Захар Петрович, участковый инспектор РОВД. Уроженец села Боровое, где окончил среднюю школу. После ее окончания поступил в высшую школу МВД. Для прохождения службы направлен (по собственной просьбе) в родное село. Женат, двое детей. Внешне суров, нелюдим. Отличается острым профессиональным умом, способен делать опе-

режающие верные выводы. Излишне самолюбив, в отношениях со старшими товарищами по работе иногда проявляет резкость...

Из личного дела

В детстве Захара звали в глаза Беркутом. Как известно, беркут – серьезная птица, себя в обиду не даст, и слабого зря не обидит. Птица, понимающая своё предназначение. Когда Захар стал Захаром Петровичем, его стали за глаза называть Беркутычем.

Служба в Боровом Захару Петровичу подходит по всем статьям. Место здоровое и с криминогенной и с экологической точек зрения: немаловажный фактор в условиях резкого сокращения среднего мужского возраста. Ближайшее начальство неблизко, по пустякам не беспокоит, не надо тратить энергию на защиту от канцелярской активности и всезнайства. Свобода и независимость в работе не последнее дело в обстановке поголовной компьютерной образованности. Кроме того, считает капитан Беркутов: где родился, там и пригодился. В селе он знает всё и всех, ему не надо проводить бумажное расследование, чтобы выяснить, кто вчера в сумерках похитил любимого петуха бабушки Петровны.

Кроме Борового, на участковом инспекторе «висят» ещё три деревни, лесхоз да десяток хуторов и кордонов. Но ведь пройти по лесным тропинкам или проехать на стареньком служебном УАЗике по просёлочным дорогам, застеленным где хвоей, где тонкой мягкой пылью, – разве не об этом мечтает девять десятых человечества? Потому, несмотря на то, что по возрасту и профессиональным данным Захар Петрович годится в полковники, судьбой своей доволен и лучшей не желает.

День, закрывающий вторую декаду мая, обещал сложиться не хуже предыдущих. За ночь ничего чрезвычайного не произошло, начальство не звонило. Захар Петрович, сохраняя суровое выражение лица, кивнул дежурной по сельской администрации Клавдии Тимофеевне Петровой, полной женщине средних лет и сказал:

– Здравствуйте, Клавдия Тимофеевна.

– Здравствуй, Захар Петрович. Опять чуть свет, – ответила Клавдия.

Он не спеша открыл кабинет, расположенный напротив двери в помещения сельсовета, в труднодоступной глубине которого находится комната главы администрации. Обе ветви власти в территориальном единстве. Как только Беркутов закрыл за собой дверь, Клавдия Тимофеевна белым платочком протерла медную табличку с гравировкой «Участковый». Клавдия уважала и по-матерински любила Беркутыча. Как и большинство односельчан, она уверена: спокойствием село обязано в первую очередь участковому. Нельзя сказать, что Захар Петрович не знал о таком к себе отношении, но не обращал на это внимания, считал нормой. Вот и сейчас, не вникая в Клавдины мысли, занял место за столом, придвинул перекидной календарь и перелистал. На двадцатое мая намечено три обязательных мероприятия.

Первым в плане визит к Анастасии Ляховой. Он его долго откладывал, поскольку напрямую со служебными обязанностями не связан, но дальше тянуть уж некуда. Предстоял также разговор с отцом Александром, тот просил заглянуть ещё неделю назад. Третий обязательный пункт плана наметился накануне поздним вечером. Тракторист Сергей Вилков, набравшись в поле к концу рабочего дня самогона до краёв, по возвращении домой чуть не снёс столб электролинии. Повезло, двигатель заглох. Ночью, по пьяному делу, Захар Петрович решил не заниматься Вилковым. Известно, как договариваться с нетрезвым. Да и разговор предстоял серьезный: случай не первый, в прошлом году Вилков оставил половину села на сутки без электричества. Тогда ему простили. Мешают Вилкову столбы, прямо наваждение. Хорошо бы, как прежде, базировать технику в машинном дворе, да теперь всё по-иному.

Правильно начать день с Вилкова, пока тот приходит в себя и собирается на работу. Но с похмелья какой труд? Трактор ночью перегнали на машинный двор артели, Вилков едва ли об этом знает. После разговора с Сергеем в церковь. А уж в заключение к Анастасии. Тем более

что Захар Петрович подозревает: отец Александр озабочен той же проблемой. Да и с позиции оптимальной организации рабочего дня такой порядок наилучший: по пути, не надо кружить по селу. По дороге и в магазин заглянет. Есть повод: дед Прокоп, ссылаясь на голос звёзд, во всеуслышание заявил о «жульничестве» за прилавком.

Приняв решение, Захар Петрович надел фуражку, постоял перед зеркалом и закрыл кабинет. Утро раннее, в администрации никого. Клавдия успела закончить уборку и уйти, полы блестят невысохшей влагой, в воздухе плавает неместный душистый аромат. Он улыбнулся: видно, Клавдия решила превратить Боровое в предместье Парижа.

Ночью по селу прогулялся морозец, но солнце с утра греет ощутимо. Спустившись с деревянного крыльца, Захар Петрович расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки и с наслаждением глубоко вздохнул. Запахи уходящей весны, настоявшись за безветренную ночь, накатывали пьянящим валом. Цвела сирень. Кто и почему назвал один из цветковых тонов сиреневым? Истинно сиреневой сирени он не встречал. Все кусты окрашены по-разному, многообразие оттенков невероятное. И у каждого цвета свой, присущий ему запах.

Вот справа дом Марии Федоровны, его первой учительницы, весело расписанный голубизной неба и желтизной лимона. Дом радостный и приветливый, как и сама его хозяйка. И сирень у неё особая, молочно-шоколадная, аппетитная, будто её вырастили на конфетной фабрике и вчера только пересадили. Постоять бы тут, подумал Захар Петрович, поглаживая теплые зелёные рейки старого палисадника, дожидаться Марию Федоровну и просто поговорить. О том, что придёт в голову, без ставшего привычным напряжения, да зарядиться лёгкостью-свежестью на весь день. Беркутов вздохнул: сладкий шоколадный запах, наполнив лёгкие, разошёлся по всем клеточкам тела, поднял настроение.

Отойдя от дома Марии Федоровны, зашагал побыстрее: очередную волну следовало преодолеть на высшей передаче, чтобы не потерять только что полученный заряд. Следующий дом всего в пятидесяти шагах, а как другая страна. Сирень здесь прямо за горло хватает, до кашля. И ветерок всегда, в самую тихую погоду, колючий и какой-то нервный. Достаточно постоять минутку, и готов зарычать на первого встречного. И где только добыли такие вонючие кусты бабка Пелагея и дед Никодим, живущие в этой избе уж почти девять десятков? А с последней войны вдвоем. Единственного сына война забрала. С тех пор Пелагея замкнулась и с годами все неприветливее да злее становилась. Колдовством что ли она занимается, всякими способами народ от себя отваживает? Захар Петрович много лет не бывал в её хате, с бабушкой ни разу толком не поговорил. Дед Никодим человек тихий, молчит всё время, но смотрит понимающе, без злобы, с печалью тайной и даже с сочувствием ко всем.

Захар Петрович прикрыл глаза, затаил дыхание и проскочил опасную зону. Так поступают почти все. Он пацаном заметил: стоят рядом два дома, у одного люди всегда шаг замедляют, стараются задержаться, продлить удовольствие, а мимо другого бегом бегут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.